

Андрей
Буторин

СКИТАЛОЧКА

Куда он,
туда и я

Андрей Буторин
Скиталочка. Куда он, туда и я
Серия «Скиталочка», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69303436

SelfPub; 2023

Аннотация

Я получила от любимого ключи – символ совместной жизни, но открыла ими пустую квартиру. Заботливо сервирован стол на двоих, а мой избранник исчез, испарился! Вскоре я нашла ту, кто по незнанию совершил роковую ошибку. Не умеешь колдовать – не берись! Не можешь его вернуть? Тогда отправляй меня следом!..Опрометчиво? Может быть. Опасно? Конечно. Глупо? Нет! Ведь я очень его люблю! Меня теперь называют Скиталочкой, и я готова скитаться по мирам до тех пор, пока его не найду. Чтоб мне провалиться, но куда он, туда и я!

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	21
Глава третья	38
Глава четвертая	56
Глава пятая	74
Глава шестая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Андрей Буторин

Скиталочка.

Куда он, туда и я

Глава первая

Ола

Никогда не думала, что человек с моим именем может стать счастливым. Да еще таким счастливым, какой совсем недавно стала я!

Вот только не надо говорить, что от имени ничего не зависит. Вы же еще не знаете, как меня зовут. Ладно, раз уж начала... Меня зовут... Олена. Не Елена, не Алёна и даже не Олёна, а именно Олена. Вот почему меня так называли?! И не спросить – мама с папой погибли в аварии, когда мне было всего два годика. И растили меня бабушка с дедом, которые клянутся, что в родительские замыслы насчет моего имени посвящены не были. Другие дед с бабкой – отцовские родичи – вообще давно упрыгали в Америку и знать меня не знают. Вот уж где олени-то!

Да, фамилия у меня тоже соответствующая – Лесова. Уга-

дайте с трех раз, как меня называли в школе? Что, и одного раза хватило?.. Правильно, Лесной Олень. Разумеется, когда я стала постарше, то не стала каждому встречному-поперечному представляться полным именем. Для большинства знакомых я – Лена. Для друзей – Ола. Не Оля, а именно Ола. Потому что никакая я не Ольга, а... бэм-с!.. Олена.

Вот только не надо говорить, что поменять имя – легче легкого. Пусть я и олень, но не курица же, сама знаю. Только я, по-моему, уже сказала, что мои мама с папой по-гиб-ли! Их уже нет, понимаете? А я есть. И они почему-то хотели, чтобы я была именно Оленой. И если уж я не могу узнать почему, то идти против их желания не стану. Короче, я Олена! Точка. Ладно, для вас – Ола.

В общем, надеюсь, вы поняли теперь, почему я, будучи Лесным Оленом, сомневалась насчет счастья? Но!.. Тут появился он. Иван! Высокий, умный, красивый, с волнистой темно-русой шевелюрой, в которую так и хотелось запустить мои тонкие пальчики!.. И я их запустила. Потом еще раз, и еще... Месяца два запускала. Он, видимо, привык, потому что неделю назад возьми да скажи: «Давай жить вместе».

Сначала я подумала, что ослышалась. Мало ли. Может, он шить что-нибудь предлагает. И если вместе, то что-нибудь большое. Например... ну, не знаю, двухместную палатку. Или пододеяльник. Что тоже, в принципе, неплохо. Я про пододеяльник. Палатка – это не мое категорически!

Но я на всякий случай уточнила:

– Что именно?

Иван впал в ступор. Примерно минуту моргал, внимательно меня разглядывая. А что меня разглядывать? Не видел, что ли? Сто шестьдесят восемь сэмэ; не скажу сколько кэгэ, но ему нравится; волосы чаще светлые, временами с цветными прядями. Сейчас они были охряно-желтыми с каштановыми вставочками. Боб-каре. Что-то типа. А! Еще голубые глаза. Банально, но куда деваться. Кстати, у Ивана глаза серые. И у него – не банальные! Такие стальные, с блеском. М-мм!.. Но вот тогда они чуток помутнели. И Ванечка наконец-то ответил:

– Жизнь. Что еще-то?

– Ну давай, – ответила я.

И знаете, какой была при этом моя первая мысль? Что я самая счастливая на свете?.. Не-а. Эта была второй. А первая... Бэм-с! Я же забыла сказать, что Ванина фамилия – Лосев. Догадались теперь, какой была моя первая мысль?.. Была оленихой, стану лосихой. Крутилово-закрутилово! Не, даже не так. Я ведь по-прежнему останусь оленихой. Только теперь еще и Лосевой!

В принципе моя и его фамилии почти одинаковые, только две буквы переставлены, так что можно при замужестве оставить свою, никто и не заметит. Вот только боюсь, что заметит Иван... Ладно, Лосева так Лосева, не в рогах в конце концов счастье.

Так вот. В ЗАГС мы, правда, сразу не побежали, мы же взрослые люди: мне – двадцать три, Ивану вообще двадцать восемь. И мы отдавали себе отчет, что любовь – это хорошо, даже чудесно (это и правда – м-мм!.. – как чудесно), но хотели это чувство проверить, так сказать, в суровом, несентиментальном быту. Пропылесосить его, простирнуть, отутюжить, помариновать и обжарить. Образно выражаясь. А после этого проверить, каким оно стало на вкус. Не горчит ли, не пустило ли, пардон, душок?.. И что интересно, Ванечка как раз был готов проштамповаться сразу... Справедливости ради, это было не совсем так, но я тогда ни о чем таком не знала, а он прямо заявил, что в жены готов меня взять хоть завтра. И то потому, что сказал об этом поздно вечером, все уже было закрыто. Да и не регистрируют же, вроде, так быстро? Не суть. Суть в том, что – бэм-с! – воспротивилась я. Фу, какое заплесневелое слово! Воспротивилась!.. Так и вижу себя расфуфыренной барыней в парике и с веером: «Не желаем-с мы с вами, сударь, под венец. Не по мне вы. Отнюдь. Ехайте отсель!»

Тьфу, противно даже! Я же не из-за Ванечки это... Я себя хотела проверить! Он – вон какой: милый, умный, славный, добрый, самый-самый лучший и любимый! А тут такая я. Олена. В реале Олена. А Ване со мной потом до смерти мучиться. Нет, надо сначала посмотреть, кто я такая в качестве спутницы жизни. И смогу ли с моим Иваном, как говорится, и в горе, и в радости. На постоянке, а не «хочу пришла, хочу

ушла».

В общем, на том мы и порешили. Что я перебираюсь к нему, мы живем три месяца, а потом честно и откровенно говорим друг другу, куда нам идти: в ЗАГС или в какое другое место, не столь торжественное.

И вот только не надо говорить, что вы бы поступили не так. Я бы тоже теперь поступила не так. Но уж как поступила... туда и ступила.

В то утро Иван вручил мне ключи от своей квартиры и сказал, чтобы после работы я сразу шла к нему. Нет, даже не так! Он сказал, чтобы я шла домой, но когда увидел, что я собралась обидеться и даже слегка пореветь, пояснил, что мой дом теперь тут, у него. Он даже не стал уточнять, что пока лишь на три месяца, вот такой он у меня внимательный, заботливый и тактичный. А я все равно разревелась, уткнувшись ему носом под мышку. Люблю я его, очень сильно люблю!

Ваня не стал скрывать, что в честь нашего... съезда?.. сошествия?.. затеял на вечер романтический ужин. Отмечать решили дома, потому что нам обоим хотелось в эти волнующие часы побыть совсем-совсем одним – только он и я на всем белом свете!

Готовить Иван умел, да еще как! Так что насчет праздничного стола можно было не беспокоиться. Он ради этого даже взял отгул. И перед моим уходом еще раз напомнил, чтобы

после работы я нигде не задерживалась.

Этот день тянулся для меня целую вечность. Избитая фраза, а насколько точная! Мне казалось, что все часы в офисе, включая компьютерные и те, что на телефоне, стоворились и решили слегка отдохнуть. По моим ощущениям проходил час, а они дружно уверяли меня, что всего лишь десять минут.

Но даже самое долгое и тягучее когда-нибудь да кончается. Закончился и мой рабочий день. И я помчалась... ну да, домой!.. на крыльях любви. Выражение тоже изрядно пожеванное и помятое, но как можно сказать иначе, если я и впрямь ощущала у себя за спиной выросшие крылья? И вот только не надо шуток – совсем не куриные. И не оленьи – совсем не смешно! Как минимум голубиные.

А вот когда я – бэм-с! – плавно спланировала и мягко приземлилась возле нашего – теперь уже нашего с Ваней! – подъезда, мне вдруг сделалось страшно. Очень-очень страшно, до дрожи в коленях. «Что я делаю?! – заметалось в голове. – Зачем я ему нужна?! Он – вон какой, а я – вот такая... И такая я сейчас приду к нему и сломаю ему жизнь! Как минимум на целых три месяца. Потому что он слишком благороден и справедлив, чтобы отправить меня в свободный полет завтра же. У-ууу!...»

Нет, «у-ууу» я провыла уже вслух, на меня даже оглянулась пара прохожих. И тогда я дрожащими руками достала телефон и позвонила Ивану.

– Ну ты где?! – возбужденно-радостно завопил он. – По моим расчетам ты должна уже подходить к подъезду!

– А я и под... под... это... – судорожно всхлипнула я. – Подошла.

– Не понял? – заволновался Иван. – Ты чего? У тебя зубы лязгают... Что случилось? Ты где?!

– У подь... езда, – сказала я почти без лязга.

– Так в чем тогда дело? Я же дал тебе ключи, там и таблетка от домофона. Потеряла, что ли? погоди, сейчас спущусь...

– Не надо, Вань! – выкрикнула я, испугавшись так, будто он собрался прыгать из окна.

– Почему? Я ничего не понимаю...

– Ваня, ты меня... правда любишь? – снова всхлипнула я.

– Да что с тобой? Конечно, люблю!

– И я нужна тебе?..

– Ты мне очень нужна! Необходима!

– Правда-правда?

– Да чтоб мне провалиться!..

В трубке раздраженно запищали гудки. Я набрала Ваню снова.

«Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Чего это? Крутилово-закрутилово! Только ведь говорили... И тут я вспомнила свое полное имя. Олена! Ну конечно же, она и есть. У Ванечки просто разрядился телефон.

И от осознания такого реально бытового пустяка мне стало вдруг так легко, что крылья за спиной опять выросли; и я даже подумала, а не слабо ли мне взлететь на них прямо к Ване на лоджию? Девятый этаж?.. Подумаешь. Я вообще на тринадцатом живу... Жила. Меня остановила лишь мысль, что двери с лоджии в квартиру наверняка закрыты, и я буду нелепо выглядеть, жалобно стучащая в них с улицы: «Ваня, открой, твоя птичка прилетела!» А такие птички... Нет, это очень хорошо, что такие птички по небу не летают.

И я поехала на банальном лифте.

Открывать дверь «своим» ключом я все-таки постеснялась. Сначала робко постучалась. Вспомнила про птичку и потянулась к звонку. Динь-динь! Пришел лесной олень по-твоему хотению, чтоб ты забрал его в свою страну олен... лосиную!.. Динь-динь!.. Динь-динь-динь!!!

Бэм-с!.. Вот это фокус. Ваня не открывал. Он что, все-таки обиделся на меня? Но за что?! За вопросы про любовь? Ну, знаете ли!..

Нет, все-таки правильно меня назвали мама с папой. Они как-то сразу догадались, наверное, кто я такая. Потому что только реальная Олена будет думать про любимого всякую лабуду, когда вполне очевидно, почему он не реагирует на твои дурацкие «динь-динь». Потому что он дал тебе ключи! Ключи! Понимаешь, Олена, что это такое? Нет, это не железячки на колечке. Это, Олена, символ! Символ вашей начи-

нающей совместной жизни! А ты – динь-динь. Имя твоё – вот ты кто после этого!

И я достала из сумочки символ и отперла дверь. В квартире было тихо и очень вкусно пахло. Все мои печали, сомнения и самобичевания тут же отправились покорять дальние дали. А я ласково и нежно пропела:

– Ау-уу! У кого это так вку-уусенько пахнет?

Иван не ответил. Одно из моих сомнений сделало вид, что забыло зонтик, и вернулось.

– Иван! – позвала я уже не дурачась. – Ты где?

Я сбросила туфли и зашла в комнату. Там благоухал яствами и блестел пивствами шикарный стол, сервированный на двоих. И где же этот второй? Решил поиграть в прятки? Раньше за моим любимым откровенно детских шалостей не наблюдалось. Я обошла стол и подошла к двери в спальню. Открыла – никого. Отправилась на кухню – снова мимо. Врываться в санузел мне показалось непристойным, и я туда постучалась:

– Иван?..

Ответом мне была тишина, и я рискнула все-таки открыть и эту дверь. Включила свет. Вани не было и там.

– Крутилово-закрутилово, – сказала я. Других слов, во всяком случае приличных, у меня в тот момент не нашлось.

И тут я вспомнила про лоджию! Я помчалась к ней с надеждой приговоренного к расстрелу, что ему таки всего лишь отрубят голову. Так и есть: лоджия меня хладнокровно

добила.

Я вернулась в комнату и плюхнулась на диван. Моя попа тут же ощутила дискомфорт – под ней было что-то твердое. Я привстала и взяла это «что-то». И не сразу поняла, что же это такое. То есть, глазами я уже «понимала», но мозг категорически отказывал принимать подобную чушь. Потому что это была половина смартфона. Даже меньше половины – скорее, думаю, треть. Верхняя его часть. Но телефон не был переломлен. Он был словно аккуратно разрезан. Причем даже фигурно. И эта фигура напоминала... Я сглотнула... У вас есть под рукой мобильный телефон? Возьмите его так, будто вы по нему разговариваете. А теперь отрежьте – мысленно разумеется – ту его часть, что осталась выше пальцев. Отрезали? Тогда вы видите примерно то же самое, что увидела тогда я – отрезанную часть Ваниного смартфона. Только уже не мысленно, а реально. Остальная же часть вместе с хозяином будто испарилась. Мне пришло в голову слово «аннигилировала», но я его отвергла. Здесь, скорее, пахло не наукой, а магией.

Что удивительно, я не стала истерить, метаться по квартире, вызывать полицейских, пожарных и скорую. Я даже не заревела. Просто опять опустилась на диван, протянула руку к столу, что-то оттуда стянула и стала жевать. Не помню что. Да, наверное, даже и тогда не поняла.

Это вернуло мыслям некоторую живость и я, обнаружив на столе графин с соком, выдула из него не меньше поло-

вины. Сок был апельсиновым, это я уже хорошо запомнила. Тем более и мысли мои вернули себе способность работать почти нормально. С поправкой на ситуацию, разумеется.

Вот что мне в себе нравится, кроме цвета глаз, так это способность собраться именно в тех ситуациях, в которых многие – и не только девушки – начинают как раз истерить, бить посуду или падать в обмороки. Вот дай мне ключи от квартиры – и я разревусь, а транслюкируйся с обломком телефона к чертям собачьим – я начну анализировать и сопоставлять линию среза гаджета с формой ладони пропавшего. Непроста я, ох, непроста! Так ведь простому человеку такое редкое имя и не дадут.

Я стала рассуждать. Сначала решила рассмотреть самые очевидные версии. Первая: Ваня пошутил. Правда, для этого зачем-то расфигачил не особо дешевый смартфон. А сам куда делся?.. Не, сам он мог просто выйти и притаиться на лестнице, чтобы потом ворваться в квартиру и крикнуть мне: «Бу!» Но Иван же не умственно отсталый. Как бы даже не наоборот. Да и это же время нужно, так фигурно распилить гаджет – чем, кстати, и где опилки? Сколько я на том лифте поднималась? Две, ну пусть три минуты. Не, не успеть. Если только Ваня заранее телефон не распилит... Тьфу, Олена! А откуда он тогда с тобой разговаривал? Хотя, мало ли... был еще один телефон. Ага, а этот специально купил и расхренакал, чтобы сказать тебе «бу!» и поржать. Такому Ванечке из

сказки давно бы последовал от меня досвидос. Но лестницу все же было надо проверить!

И я пошла проверять лестницу. Спустилась вниз аж на три этажа, поднялась вверх на два... Не, ну он же не на крышу бы полез прятаться, правда? Короче, вариант с прятками я отмела. Да я в него, честно говоря, и не верила. Не похоже это на Ивана. Столь тонкий юмор и правда подходит лишь для Иванушки-дурачка. Так что я даже немного успокоилась, что мой Ваня не такой.

Следующая версия была страшной. Но никто ведь и не обещал, что я только и буду теперь ржать словно конь. Тем более что я не конь, а... Ладно, проехали. Вернемся к страшной версии. Мой незамутненный детективными хитросплетениями мозг выдал следующую очевидность: Ваня упал с лоджии. А что? Пошел посмотреть, где я там застряла – он же как раз об этом по телефону и спрашивал, – перегнулся через ограждение и упал. И насмерть умер – этаж-то девятый. На задрожавших вмиг ногах я опять поползла к лоджии и, предварительно зажмуриив один глаз, глянула вниз. Распластанного тела я там не обнаружила. Осмотрела двор уже двумя глазами – вдруг, умирая, Ванечка куда-нибудь зачем-то отполз, но трупы в пределах видимости отсутствовали. Я облегченно выдохнула: страшная версия не подтвердилась. Вот только не надо мне говорить, что она была несостоятельной в принципе, потому что не объясняла огрызок смартфона на диване! Но когда пропадает любимый, никакие огрызки уже

не кажутся неопровержимыми доказательствами чего-либо. И потом, может, он, когда падал, неловко рукой взмахнул – вот и... Нет-нет-нет! В таком деле ничего исключать нельзя, поверьте.

Вот только я не знала, то же мне теперь исключать. И что включать – тоже. Если только мозг на более сильную мощ-ность. Так и без того уже разве что дым из ушей не шел. Крутилово-закрутилово! Что там еще проверяют в случае пропажи человека мудрые сыщики в книгах и фильмах? Отпечатки пальцев? Не, это слишком муторно, да и что мне даст? Тем более Ваниных образцов у меня все равно не было, сравнивать не с чем. Так что даже если обнаружатся чьи-то чужие, то... Бэм-с!.. А вот тебе и еще версия: кто-то чужой! Тот, кто коварно похитил моего Ванечку! Или... не тот, а та?.. Вероломная соблазнительница! Разбивательница неокрепших мужских сердец! А заодно и телефонов!..

В моем воспаленном мозгу тут же возникла сцена... Иван разговаривает со мной по телефону, но тут входит она, длинноногая, длиннорукая, плотоядно щелкает длинными зубами, обволакивает Ванечку, словно муху паутиной, длинным... в смысле, долгим взглядом... Ваня трепещет, бьется, коварная паучиха рвет у него из руки телефон, но Иван вцепился в него как в последний оплот надежды, однако силы не равны – гаджет разламывается, а мой любимый... сдается. Жестокая разлучница отбрасывает на диван обломок смартфона, крепко обнимает всеми длинными конечностями свою

безвольную жертву и гулко, довольно ухая, утаскивает к себе в гнездо.

Какой ужас! Я снова схватила телефоний кусок – ведь на нем-то как раз и остались отпечатки паучихи!.. А гнездо – ведь оно где-то рядом; возможно, в соседней квартире! Нужно немедленно обойти их все и... И что? Прислушиваться, не доносится ли из-за дверей смачное чавканье?..

Я брезгливо поморщилась и, к счастью, быстро пришла в себя. Какая еще паучиха?! Ты еще приплети сюда горную орлиху, двурогуую козлиху и рыбу-пилу до кучи – как раз хорошее объяснение для рапиловки телефона. Да, Олена, тяга к зоологии в тебе, видать, от рождения. Потому, наверное, и имя тебе дали... Ладно! Все! Хватит!

Я очень сильно разозлилась на себя. А когда я сильно злюсь, то почему-то тоже, в отличие от многих, начинаю более четко мыслить. И я решила пойти другим путем. Тоже, кстати, подсказанному книгами и фильмами про сыщиков. Нужно восстановить последние действия Ивана до его исчезновения. С кем он встречался, говорил, куда ходил и... что планировал! Да! Именно! Что он планировал! Вряд ли, конечно, он записал в ежедневник: «Накрыть праздничный стол – 18:22; Пропасть навеки – 18:56», но все-таки... А, кстати, есть у него ежедневник? У такого правильного и организованного человека как мой любимый, вполне даже мог быть. А где современный человек обычно записывает планы

и напоминалки? Правильно, в смарт... Тьфу! Крутилово-закрутилово!..

И я реально слегка закрутилась. В смысле, физически. Стала крутиться и озираться, нет ли где чего в квартире такого, где Ваня мог бы что-то для памяти записать? Например, какие-нибудь стикеры на зеркале в прихожей или просто надписи карандашом на обоях. А что? Я так делаю, если очень срочное что-то...

И тут я увидела в углу небольшой компьютерный столик, а на нем ноутбук. Бэм-с! – и я уже за ним. Крышку – вверх, включить питание!.. Оба-на! А вот этого, любимый, я от тебя не ожидала. «Пожалуйста, введите пароль». Не по-русски, но почти. Уж это-то я поняла. Зато не поняла, зачем Ивану пароль на личном ноуте? Это потому, что я должна с ним поселиться? Обидно.

У меня даже слезы выступили. Я смахнула их, шмыгнула носом и вспомнила, как Ваня рассказывал, что частенько работает дома. То есть логично и обратное: он мог брать с собой ноутбук на работу. А как там без пароля? Небось, вокруг всякие длинноногие паучихи и козлихи так и выются.

Я успокоилась. Но только в том смысле, что пароль не от меня. Зато расстроилась, что зайти в комп не могу. Хотя... Что обычно используют в качестве пароля? «12345» – не подходит. «Пароль» – ни фиги себе, тоже мимо! Ну ты, Ваня, и намудрил! Небось, и правда там у тебя тайны какие-то. Но что еще-то можно придумать? Вот я часто использую свой

дэ рэ. Ну, чтобы врагов запутать, я в дате рождения цифры переставляю наоборот, а месяц вообще буквами пишу. Латиницей! Первая – заглавная. Ой, Олена я! Пароль вам свой выболтала!.. Ладно, поменяю. В годе рождения цифры наоборот поставлю. А сейчас нужно ввести день рождения Ивана. Нет, погоди... А что, если?.. От пришедшей в голову мысли меня будто с головы до пяток окатило теплой волной. И я ввела «Олена». Ага, щаз-зз! Стало грустно. Но с другой стороны, он же знает, что я не люблю свое полное имя! Значит нужно попробовать «Ола». Не, не пойдет, слишком коротко для пароля. Ну а как он меня еще мог назвать? Не «Олушкой» же! Что?!.. «Олушка»?! Да ты же мой хороший! Как же я тебя люблю!

Минутки полторы сладко поплакав, я приступила к изучению содержимого... Нет-нет! Вот только не надо говорить, что я бессовестная дрянь и все такое! Я не стала смотреть файлы в папке «Мои фотографии»! То есть, глянула парочку-другую, но лишь потому, что соскучилась по Ване и думала, вдруг на тех фото он сам... И уж точно я не стала влезать в его почтовый клиент, тем более там оказался совсем другой пароль. Я всего лишь стала просматривать программу-ежедневник, которая, между прочим, при загрузке операции открылась сама. На сегодня у Ивана был запланирован переезд Олушки и торжественный ужин с ней. Я еще немного всплакнула и листнула страничку не назад, а вперед.

Ну да, можете обзывать меня нехорошими словами. А вам не интересно было бы узнать, что планирует ваш любимый после торжественного ужина с вами?.. Вот то-то же. Тогда сидите и не гундите. А мой любимый планировал на следующей неделе поход в ЗАГС для подачи заявления. Вот.

Что?! На следующий неделе?! Не через три месяца, а уже на следующей неделе?!.. Вот тут я, признаться, разревелась по-настоящему. Я и так, конечно, верила, что Ваня меня любит, но что он настолько во мне уверен... Крутилово-закрутилово, как же это приятно!

Но все-таки нужно было посмотреть, что же планировал мой милый, хороший и славный до сегодняшнего дня. Так... Мастерская, банк, магазин, семинар, лунное затмение... Бэм-с!.. Что?.. Затмение?.. В смысле, он его планировал устроить?.. Ладно, Олена, не тупи. Да и какая тебе разница? Не солнечное же. Так, это два дня назад, это три, тут опять магазин, мерчендайзер... – а-а-аа!.. – мерчендайзер Вячеслав Игоревич – ну пусть тогда, – снова семинар... Четыре дня назад, пять дней, шесть, неделю назад... Стоп! Ровно неделю назад Иван предложил мне жить вместе. Интересно, это было у него запланировано?

Нет, неделю назад у Вани было запланировано: «Потомственная ведьма Анна Александровна, тел. 322-223-332»... Извините, я соврала, телефон там был другой. Не надо вам его знать потому что. Уж поверьте мне на слово.

Глава вторая

Иван

Иван Лосев не был таким уж замшелым пунктуальным занудой, как кто-нибудь, возможно, подумал. Скорее наоборот – чем-нибудь увлекшись, он мог забыть про все остальное. А уж если он увлекался не чем-нибудь, а кем!.. Тогда он мог буквально забыть про еду и сон. Правда, такое с ним до встречи с Олой случалось лишь однажды, когда он познакомился с Анжелой. Влюбился Ваня быстро, вспыхнул, как сухая соломинка, да так же быстро и отгорел. Было чувство – и нет его, только что-то черное внутри: угли, зола, сажа... Да, можно было найти кучу оправданий: и то, что Анжела не разделяла его увлечений, не читала книг, из фильмов предпочитала пустые комедии, из походов лишь один вид – шопинг, а услышав, что Луна – на самом деле огромный шар с горами и равнинами, долго смеялась, похвалив Ивана за хорошую шутку. Про Солнце он ей даже побоялся рассказывать. Кстати, Луной-то, похоже, Анжела его любовь к ней и раздавила. Додавила, скорее, поскольку Иван и без того уже стал замечать, что ему с этой девушкой совсем не так радостно, как в первые пару недель. И даже не просто не радостно,

а банально... скучно.

Расстались они с Анжелой легко – та упорхнула словно красивая бабочка, но вот эта «сажа» внутри себя Ваню все-таки насторожила. Может, он не такой, как все? Может, не умеет любить, вовсе не приспособлен для настоящей любви? Способен лишь вспыхнуть – и тут же погаснуть? Но тогда он может сделать больно той, кто его действительно полюбит. Что же теперь, сидеть взаперти или вовсе уйти в монастырь? Но Ивану туда совсем не хотелось. Ему хотелось любить и быть любимым. Поэтому когда судьба свела его с Олой, и Ваня снова вспыхнул от любви, он решил проверить свои чувства. Но проверить как следует, чтобы замечательной девушке с удивительным именем и прекрасными глазами не пришлось потом из-за него страдать.

Первым делом Иван поставил в свой ноут программу-ежедневник. Это не имело никакого отношения к проверке чувств, но Ваня знал за собой грешок – забывать обо всем, когда он сильно увлекался. А сейчас он увлекся Олушкой, да еще как увлекся! И ему очень не хотелось, чтобы у любимой с первых же дней сложилось о нем впечатление как о человеке необязательном, легкомысленном и нафигатакимнужном. Поэтому и отмечал Иван в ежедневнике ближайшие дела и планы, и нужно сказать, его это пока выручало.

Радовало Ваню и то, что даже через два месяца после знакомства с Олой его чувства не только не угасли, а кажется, разгорелись еще сильнее. До такой степени, что он уже с тру-

дом удерживал рвущееся из него для любимой предложение руки и сердца, как бы банально это ни звучало. Он готов был схватить свою Олушку в охапку и не выпускать никогда-никогда. Увезти ее на край света, в тундру, в страну оленью... Ерш колючий! Да хоть куда, лишь бы вдвоем, лишь бы вместе! Иван был уверен, что Ола согласится даже на жизнь в пресловутом шалаше. Такого изысканного рая он своей любимой, конечно, не желал, но денек-другой, впрочем, можно было бы и в шалаше... А потом уже сильно кушать захочется. Но Ваня быстро выбросил из головы райские мечты. Ладно, не выбросил, задвинул в дальний угол. И твердо решил: перед тем как предлагать Олушке шалаш... в смысле, совместную жизнь, он просто обязан каким-то образом проверить свои чувства.

А как можно проверить эти самые чувства? Долгой разлукой. Нет-нет, отпадает сразу!.. Нуждой и страданиями. Вы что, издеваетесь?.. Изме... Ванидзе, молчать! Язык откушу!.. Ну а как их еще проверить? Только временем. А долго ждать он уже просто не мог. Хоть к гадалке иди!..

Ага. Ага-ага... Иван сильно призадумался и решил, что совершенно не видит, чем обращение к гадалке хуже тех самых нужды и страданий. Не говоря уже о том, за что он собирался кусать себе язык. Плохо было то, что он был абсолютно несведущ в данной теме. Ерш колючий! Где искать гадалку? Объявления везде так и пестрят амулетами да рунами, сайтов в интернете миллион, но как отыскать иголку

в куче... то есть в стоге... скорее, в стоке – мутном и дурно пахнущем? Ткнуть наугад?..

Тут Ивану пришла мысль, что искать нужно не шикарные навороченные сайты, не рекламу с бесконечным перечислением всевозможных способностей, регалий и прошлых заслуг, а наоборот – что-то простое, невзрачное. И желательно узкоспециальное. Потому что Ваня по собственному опыту знал: если человек горделиво уверяет, что умеет делать все, то скорее всего, кроме как уверять, он ничего и не умеет. А настоящий спец не станет вешать на себя блестящие побрякушки и прыгать в экстазе, вопя, что он самый крутой. Настоящий спец молча возьмет и сделает.

Нет, Иван не был идиотом. Даже простаком его трудно было назвать. Во-первых, он прекрасно понимал, что и в его непробиваемой логике имеется куча дыр – хотя бы то уже, что правил без исключений не бывает. Во-вторых, он не верил в гадания. Не то чтобы категорически, все же ютилось где-то глубоко-глубоко в нем сомнение «а вдруг что-то да есть», но все-таки по большому счету не верил. И поход к гадалке нужен ему был, скорее, в качестве символической галочки, которую он смог бы поставить в своей судьбоносной графе: «Я на самом деле люблю».

Теперь он просматривал только короткие объявления. И одно заинтересовало его почти сразу:

«Потомственная ведьма. Любовная магия. Анна Алексан-

дровна. Звонить строго с 6:66 до 13:00. Тел. 322-223-332». Номер был немного другим, но цифры те же – 2 и 3. И это уже понравилось Ване. Цифры словно намекали ему: ответа всего два: «да» или «нет» – а тебе ведь это и надо?.. Еще ему понравился юмор Анны Александровны, пусть и незащепливый. 6:66 – хорошее время. Кстати, на самом ведь деле это получается семь с копейками, а семь – тоже хорошая цифра. И наконец, последнее обстоятельство: «Любовная магия». Именно то, что нужно. Конкретика, которую так уважал Иван. Времени было 12:34, и он позвонил потомственной ведьме.

Голос Анны Александровны оказался довольно приятным, но определить по нему возраст говорившей Ваня не смог. Вряд ли моложе тридцати, но и сомнительно, что больше шестидесяти. Хотя какая разница – ему же ее было не есть. А вот интонации Ивану скорее понравились. Потомственная ведьма никого из себя не строила, говорила спокойно и буднично, словно он записывался на прием к отоларингологу. Впрочем, в том случае голос на всякий случай могли как раз и повесить...

– Приворот замужних дам не делаю, – предупредила Анна Александровна.

Это окончательно склонило Ивана в пользу данного специалиста. Однако он не удержался и спросил:

– А отворот?

– Только не для супругов. Браки заключаются на небесах,

не мне их расторгать.

– Мне не расторгать! – поспешно заявил Ваня.

Анна Александровна назначила ему дату и время приема, и он сразу занес их в компьютерный ежедневник.

Внешне потомственная ведьма Ивану тоже понравилась. В общем-то, из «ведьминского» у нее были разве что темные волосы. В остальном оказалась обычной современной женщиной чуть старше тридцати, одетой в джинсы и синюю блузку. Сначала, когда она ему открыла дверь, Иван даже подумал, что это кто-то другой – сестра, домработница, мало ли... И он максимально вежливым тоном сказал:

– Добрый день. Позовите, пожалуйста, Анну Александровну.

– Ой... – ответила женщина, схватившись за щеки.

– Что? Ее нет? Хорошо, я зайду позже. Хотя, знаете ли, мы созванивались, и...

– Да-да, созванивались, – отняв ладони от лица, закивала собеседница. – Просто я сомневалась...

– В чем? – удивился Иван. – Что я приду? Это вы потомственная ведьма?

– Да, это я, – встряхнула темной шевелюрой Анна Александровна. – А сомневалась... Не обращайтесь внимания, я очень часто это делаю. – Тут она опомнилась и добавила: – Не в ущерб работе, не сомневайтесь!

– Хорошо, – с сомнением пожал Иван плечами. – Я не

буду сомневаться, что вы не сомневаетесь.

Вообще-то ему сильно захотелось уйти. Наверное, он бы так и сделал, если бы потомственная ведьма не сказала вдруг:

– Так заходите же! Через порог работать нельзя. Да у меня и вся атрибутика там, – махнула она рукой за спину. – Ведь вы же хотите узнать про свои чувства к Оле?

– Хочу, – сказал он, машинально переступая порог. – А как вы узнали, что я... из-за Олы?

– Не обращайтесь внимания, – сказала ведьма. – Это профессиональное. Идемте же, идемте!

И он прошел за Анной Александровной в небольшую комнату, которая, в отличие от хозяйки, не просто говорила своим убранством, что имеет прямое отношение к ведьмовству, колдовству, магии и прочим подобным штучкам, но буквально вопила об этом! Стены комнаты были увешаны амулетами, пучками трав, высушенными трупиками грызунов, змей, лягушек и больших пауков, а также черепами более крупных животных – или очень зубастых, или рогатых; а один, самый большой и жуткий, совмещал оба этих признака. Еще на стенах были развешены полки из потемневшего от времени дерева, на которых стояли древние манускрипты в кожаных переплетах, банки, баночки, пузырьки, реторты и колбы с видневшимися сквозь стекло разнообразнейшими по консистенции и цвету порошками, смесями, жидкостями и, как показалось Ивану, даже газами, поскольку в паре реторт содержимое заметно клубилось. Вдоль одной из стен стояли

аквариумы... Нет, аквариум там был только один – в нем плавали лягушки. А к двум другим, которые назывались террариумами, Иван решил без крайней необходимости не приближаться: в одном ползали устрашающих размеров и видов пауки, в другом, уставившись на него, замерли змеи.

Посреди комнаты стоял накрытый темно-вишневой бархатной тканью круглый стол, в центре которого тоже покоился чей-то зубастый вытянутый череп, посверкивал в свете толстых свечей хрустальный шар на черной подставке, лежали три колоды карт – одна по виду очень старая, а также стоял ноутбук и тарелка с надкушенным яблоком.

– Садитесь, – показала ведьма на стоявшее возле стола обычное офисное кресло, сама же, быстро спрятав тарелку, опустилась в кресло напротив – тоже вполне обычное, но более представительное, кожаное.

Иван тоже сел. Чувствовал он себя при этом отвратительно. Не только и даже не столько из-за всех этих пауков и змей – высушенных и натуральных, сколько из-за возникшего ощущения театральности всего этого, из-за того, что почувствовал себя дураком, добровольно согласившегося себя облапошить. И если бы не упоминание о цели его прихода сидящей напротив него совершенно непохожей на ведьму женщины, он бы, наверное, плюнул на все и сбежал. Ерш колючий, как же ему хотелось это сделать! Но тут злость на себя, на свою неуверенность и всю ситуацию в целом отрезвили его и наполнили решительностью вперемешку с сарказ-

мом. И он буркнул:

– Так все же, как вы узнали?

– Магия, – пожала плечами Анна Александровна.

– Ой, ладно вам, бросьте! Вот только не надо. Наверняка что-то из области психологии плюс ваша наблюдательность и все такое... Звонит мужик, сам же сознается, что не по поводу расторжения брака – значит, либо приворожить, либо проверить чувства. И тут – сам я. Довольно молодой, без кольца... Значит, точно приворожить или проверить. Но мнется, лопочет: «Я зайду позже»... Без лупы видно: сомневающийся. Такой привораживать точно не решится! Да и узнать о чувствах девушки ему будет страшно. В своих убедиться бы. Вот вам и вся магия!

– А Ола? – улыбнулась Анна Александровна. – Сомневаюсь, чтобы с помощью психологии я могла узнать такое... не очень распространенное имя.

– Наверное, я сам сказал... – уже без прежней уверенности произнес Иван. Насколько он помнил, такого не было. Хотя, когда постоянно думаешь о любимой, вполне можно проговориться и самому не заметить.

И все же он решил довести начатое до конца. В любом случае он изначально не верил ни в какие гадания, а раз уж пришел – пусть эта любительница посомневаться гадают. И он кивнул:

– Хорошо. Ладно. Я на самом деле хочу, чтобы вы сказали мне, по-настоящему я люблю Олу, или у меня временное

помутнение, которое скоро пройдет.

– У вас есть с собой ее фото? – стала серьезной и ведьма.

– Конечно, у меня есть ее фото. Такое подойдет? – полистал Иван снимки на смартфоне, выбрал один и положил перед женщиной гаджет.

– Вполне, – сказала та.

Затем она поводила рукой над смартфоном, потом – через стол – перед Иваном, сняла с подставки хрустальный шар, посмотрела сквозь него и вынесла вердикт:

– Вы любите ее по-настоящему. И будете любить вечно.

– Вот прям-таки вечно? – не удержался Иван. – А если через триста лет разлюблю – вы вернете мне деньги?

– А я и не буду брать с вас денег.

– Это еще почему? – начал закипать Ваня. – Потому что потребуете в уплату мою бессмертную душу, или потому что вы еще не всю свою совесть «расколдовали», и вам стало стыдно меня дурить?!

– Я вас не дурила, – заморгала, будто собираясь заплакать, Анна Александровна. – И душа мне ваша не нужна. А деньги... Они ведь не самое главное. Уж вы-то должны это понимать.

– Да уж я-то понимаю! – непонятно на кого больше злясь – на себя или на псевдоведьму, – вскочил Иван. – И вы тоже поняли, что не на простачка напали. Вот и решили не связываться. За-сом-не-ва-лись!.. – покрутил он рукой. – Вдруг я все тайно записывал, а потом стану вас шантажировать?

– Уходите, пожалуйста, – очень тихо сказала ведьма. – Я совершила обряд честно и сказала вам правду. А вы... думайте, что хотите.

– Обряд?! – возмущенно ахнул Иван. – Повертеть руками и посмотреть в стекляшку – это обряд? Видать, опыта у вас еще в «колдовстве» маловато, не зря вы так часто сомневаетесь. А где спецэффекты: завывание нечистой силы, звон цепей, стоны мертвецов? Где самовозгорание предметов, самопотухание свечей и поедание кладбищенской земли? Да вы бы меня хотя бы порошком каким-нибудь посыпали, что ли! Смесью толченых жаб с крокодильими какашками, высушенных в чаше из черепа саблезубого буйвола...

Будучи уже на ногах, Иван бросил взгляд на полку справа и схватил первую попавшуюся склянку. Выдернул затыкавшую горлышко деревянную пробку и поднял сосуд над собой.

– Не-еет! – завопила Анна Александровна. – Не смейте! Будет беда! Вы же не знаете...

– Все я знаю! – оборвал ее Иван и сыпанул из баночки себе на голову нечто серое, похожее по консистенции на дорожную пыль. Немножко, не совсем же дурак себя пачкать. Потом закрыл склянку, вернул ее на полку и добавил: – Вот. Теперь я удовлетворен. Скажите еще: «Трах-тибидох», и я пошел.

Он повернулся, чтобы выйти из комнаты, но ведьма, выскочив из-за стола, бросилась к нему:

– Нет! Стойте! Теперь вам нужен очищающий обряд! Иначе...

– Иначе что?

– Я не знаю! – заломила руки Анна Александровна. Но спохватилась, поправилась: – Вернее, сомневаюсь. Не обращайтесь внимания.

– Не обращать внимания? – со все возрастающим изумлением посмотрел на нее Иван. – Вы сомневаетесь?.. То строите из себя невинную обиженную овечку, то, простите, дурачку...

– Сами вы дурачок! – действительно обиделась ведьма. – Кто вас просил трогать снадобья?

– Ерш колючий! Да ничего же не случилось от того, что я этого пепла чуть-чуть сыпанул! Или это прах вашего любимого дедушки?

– Нет, вы точно дурачок! – теперь уже, похоже, всерьез рассердилась Анна Александровна. И жутко покраснела – даже руки пошли пятнами. – Да, я еще неопытная ведьма. Да, я не все умею и во многом сомневаюсь. Как раз поэтому то, что вы наделали, еще опасней! Я знаю, например, что вы использовали снадобье Юстера Литца, но понятия не имею, какие будут последствия, если порошок в чистом виде насыпать на голову!

– Да никаких, вы же видите! – развел руками Иван. – Даже рога у меня не выросли, хотя я и Лосев.

– А вот вы напрасно шутите, – свела брови ведьма. – Ро-

га медленно растут. А это средство принимают внутрь совместно еще с несколькими компонентами – для более точной настройки их действия.

– Вот! А я его внутрь не принимал, тем более с другими компонентами. Так что успокойтесь вы, все же хорошо. Ну и простите уж меня, что ли... Хотя я все равно в это не верю.

– А снадобью без разницы, верите вы в него или нет. Оно и без вашей веры подействует. И успокоиться я не могу, потому что ничего хорошего нет. Если бы вы приняли его как положено, я бы смогла провести очищающий обряд. А так...

– Ладно, – вздохнул Иван, который, видя неподдельные переживания женщины, и впрямь уже чувствовал себя виноватым. – Давайте сделаем вот что. Вы совершите этот ритуал так, как вы знаете. Ну, как было бы при обычном применении... тьфу, ерш колючий!.. Юнкерса этого.

– Юстера, – поправила ведьма. – Но это же будет неправильно! Хотя с другой стороны... Я очень сомневаюсь, но если не делать ничего, может вообще какая-нибудь беда случиться.

– Да, – успокаивающе улыбнулся Иван. – У меня могут вырасти рога. Но в прямом ведь, а не в переносном смысле, а в моем случае это куда лучше.

– Почему? – заморгала Анна Александровна.

– А зачем я к вам приходил?

– Ах, да, – смутилась ведьма.

– И потом, смотрите... Если вы ничего не станете делать,

то беда или случится или нет, правильно? Но и если вы что-то сделаете неправильно, беда тоже или случится или нет. Так?

– Так, но...

– Но вы сомневаетесь? А вы не сомневайтесь, а просто сделайте. Знаете, говорят, что лучше сделать и потом жалеть, чем жалеть потом, что не сделал. Так что вперед, флаг вам в руки!

– Нет, флаг не нужен, – сосредоточенно наморщив лоб, пробормотала Анна Александровна. – Нужна щепотка снадобья Юстера Литца, кусочек помета слепой обезьяны, парочка левых лапок сушеных блох, чайная ложка слюны мертворожденной брюнетки... О, моя как раз подойдет! – произнося эти слова, ведьма вместе с тем все и делала: отмеряла, отламывала, отрывала, плевала, затем все тщательно перемешивала...

– Мне это будто нужно принять?... – не выдержал Иван.

– Нет-нет, что вы, – пробормотала, продолжая действие, ведьма. – Тогда бы точно беды не избежать.

– А почему ваша слюна подошла?

– Потому что я брюнетка.

– Но ведь вы... живая? – судорожно сглотнул Иван.

– Да, но родилась мертвой. Спасибо врачам, откачали...

Все, теперь молчите и не мешайте!

И Анна Александровна, поднеся в малюсенькой серебрянной чашечке с длинной витой рукояткой полученное зелье к

пламени свечи, забормотала нечто непонятное, почти нечленораздельное, что-то вроде: «Кули́-мули́-бурды́-перды́-малы́сина-калебáсина». Из знакомых слов ухо Ивана выделило лишь имя упоминавшегося ранее Юстера Литца и театральное восклицание «браво!», которое ведьма выкрикивала довольно часто. Наверное, хотела задобрить дух усопшего мастера.

Между тем на дне чашечки остался лишь черный, похожий на обычную сажу осадок, который, помахав чашкой в воздухе, женщина остудила и высыпала на ладонь. Подцепила на палец и провела себе по лбу, оставив черную полосу. Затем подошла к Ивану и проделала то же самое. Он хотел возразить, но передумал – пусть ее, не татуха, отмоется.

– Ну, я пошел, – облегченно выдохнул он после завершения ритуала и повернулся к двери.

– Вы забыли телефон, – взяла со стола смартфон и подала его Ивану ведьма. При этом на фото Олы, которое до сих пор сияло с экрана, тоже лег маленький черный отпечаток. Прямо на лоб.

Иван аккуратно его вытер, полюбовался заодно своей Олушкой и не утерпел, спросил:

– Так значит, говорите, я буду любить ее вечно?

– Будете. Только вы и в самом деле уверены, что это благо, а не проклятье? Лично я сомневаюсь.

– Так вы же у нас любитель посомневаться, – усмехнулся Иван. – Возможно, даже и профи.

А когда он возвращался домой, на душе стало вдруг необычайно легко. Никаких сомнений, в отличие от ведьмы, у него больше не осталось. И вряд ли в этом была ее заслуга – в колдовство Иван по-прежнему не очень-то верил. Зато он верил в волшебную силу любви.

В тот же день он сказал своей любимой: «Давай жить вместе». Эти слова давно уже рвались из него и были настоящими, искренними. А теперь он вдобавок ко всему безоговорочно верил в свое чувство и готов был жениться на Олушке прямо сейчас. Нет, наверное, прямо сейчас и не получилось бы из-за банальных формальностей, но слегка остудила его пыл и сама Ола, дав согласие жить вместе, но выставив дурацкое ограничение в три месяца, после окончания которых они направятся или в ЗАГС, или... Нет-нет! Иван-то был точно уверен, что конечно же в ЗАГС, куда еще-то, но ему не хотелось затевать нудный спор, который все равно ничего не менял по сути.

И вот – у любимой ключи от квартиры, в которой накрыт уже праздничный стол. А у него самого – любовный пожар в груди; где-то в области сердца, или вообще разлетелся уже ярким цветным фейерверком повсюду. Сил терпеть, когда придет Олушка, больше нет. И ведь должна, должна уже прийти!

Нет, не утерпеть! Схватил телефон:

– Ну ты где?!

Оказалось, она уже у подъезда! Но что это?.. Почему любимая дрожит? Она что, плачет?..

- Ваня, ты меня правда любишь?
- Да что с тобой? Конечно, люблю!
- И я нужна тебе?
- Ты мне очень нужна! Необходима!
- Правда-правда?
- Да чтоб мне провалиться!..

И тут погас свет. Стало совершенно темно. Еще Иван понял, что не может дышать. Как глупо умереть в такой день!.. Тут по глазам хлестнуло так ярко, что Ваня зажмурился. И машинально вдохнул. Воздух был столь ароматен и сладок, что последние сомнения развеялись: он точно умер. Потому что такие блаженные, неземные ароматы могли быть только в раю.

Глава третья

Ола

Понятно, что я сразу кинулась звонить этой «потомственной ведьме». Не зная еще даже, что я буду ей говорить. Я вообще как-то с ведьмами говорить не привыкла, поверьте. За все мои долгие двадцать три года как-то ни разу еще не доводилось. Но все когда-то случается впервые.

Голос ведьмы показался мне подозрительным – хотя бы уже потому, что был женским. Вот только не надо мне говорить, что было бы куда подозрительнее, если бы ведьма, которую зовут Анна Александровна, ответила мне мужским басом. Но вы же понимаете, что подозрения насчет паучих и козлих во мне еще не остыли? В общем, это было именно их отголоском. Но я быстро взяла себя в руки и на ведьмины: «Алло! Алло! Я вас слушаю. Чего же вы молчите?», которые та в разных вариациях озвучила уже раза три, ответила с удивившим саму себя хладнокровием:

- Здравствуйте. Вас беспокоит гражданка Лесова.
- Да, – успокоилась ведьма. – Слушаю вас.
- Это вы потомственная ведьма Анна Александровна?
- Да это я. Вы же прочитали в объявлении...

– Я не в объявлении прочитала, а в компьютере моего будущего мужа! – все-таки сорвалась я. – Где он?!

– Но... Это, наверное, вам лучше знать, где ваш будущий муж.

– Вот только не надо острить! Не смешно совершенно.

– Да, пожалуй, – согласилась со мной Анна Александровна. – Но я не понимаю, почему вы спрашиваете о вашем муже у меня?

– Потому что он у вас был!

– И... что? Вы хотите сказать, что он остался у меня? Нет, это невозможно. К тому же сегодня у меня вообще не было клиентов-мужчин.

– Он был у вас не сегодня, а неделю назад!

Голос ведьмы после этого заметно изменился. Я услышала в нем нотки раздражения и будто бы даже испуга.

– Что? – сказала Анна Александровна. – Вы хотите сказать, что не видели этого человека уже целую неделю? Он не вернулся после... моего сеанса?..

– Ага! – возликовала я. – Так вы поняли, о ком я! Но можете успокоиться, от вас он вернулся. Он сегодня исчез.

– Ну а я-то тут при чем тогда? – с явным облегчением выдохнула ведьма. И я прям нутром почувяла, что она что-то знает, и что рыльце у нее в пушку. Пусть хоть пара пушинок, но к нему все же прилипла. И я решила пойти на небольшую хитрость.

– Да не при чем вы, я уже поняла, простите, – изобразила

я голосом раскаяние. Ну, такое, не глобальное, но вроде того, что вы же в состоянии понять некоторую несдержанность женщины, когда у нее мужчина пропадает. – Но, может, вы мне сумеете помочь?

– Сомневаюсь, – быстро ответила Анна Александровна. На мой взгляд, чересчур быстро для реального сомнения. – Я не занимаюсь поисками людей. Я практикую исключительно любовную магию, если вы видели мое объявление...

– Я уже говорила, что не видела ваше объявление, – перебила ее я. – Но давайте хотя бы попробуем! Давайте я к вам приду и...

– Нет! – отрезала ведьма. – Не надо ко мне приходить. У меня, знаете ли, прием по записи.

– Так запишите меня!

– Не буду. Я же сказала, я не занимаюсь поисками.

– Хорошо, – сказала я. – Тогда я к вам кое-кого запишу. Моя подруга работает в налоговой, так что вам даже колдовать для нее не придется, она сама вам все наколдует. Проведет мастер-класс поисковой магии.

– Это угроза? – дрогнул голос потомственной ведьмы.

– О! Да у вас явный дар ясновидения! А вы скромничаете...

– Хорошо, – сухо произнесла Анна Александровна. – Я вас запишу на четверг.

– После дождика?.. Не годится. У меня зонтика нет. Запишите на сейчас, пока сухо. Я быстро прибегу. Диктуйте

адрес.

Ведьма продиктовала, но запоздало вдруг опомнилась.

– Между прочим, я сомневаюсь, что у вас есть подруга в налоговой, – проговорила она даже вроде как с вызовом. – К тому же, мне скрывать нечего.

– Так это же и хорошо, – заверила ее я. – Мне вот тоже нечего, так что мы с вами найдем общий язык.

– Сомневаюсь.

– А смысл? Все равно ведь я сейчас приду. Уже бегу-уу!..

И я действительно побежала. Потому что скрывать-то ей, может, и правда нечего, но вот скрыться от меня при желании это не помешает. Просто хотя бы из вредности. Или из мести. Ведь я ей и в самом деле угрожала. И мне это самой не понравилось. Женщина, возможно, и впрямь ни в чем не виновата. Да и никакой подруги в налоговой у меня нет.

Перед тем как покинуть квартиру Ивана, я зачем-то прихватила его фотоаппарат. Неплохая такая зеркалка – не полный кадр, но все равно достойный фотик, я в этом тоже немного шарю. А вот зачем я его прихватила? Крутилово-закрутилово! Не знаю. Вот только не надо говорить, что я клептоманка! Скорее всего, сработало мое подсознание. Ну да! Собственно!.. А вдруг у Анны Александровны я все-таки замечу что-нибудь подозрительное? И вот я побегу такая вся обрадованная в полицию, а ведьма за это время – бэм-с! – и все приберет. А так я это сфоткаю, и у меня будет что предъявить полицейским помимо слов. Хотя я очень сильно наде-

ялась, что до полиции дело все-таки не дойдет.

Я рассуждала так... Вот только не надо говорить, что мои рассуждения – это плод девичьей истерики! В смысле, что у меня на фоне потери любимого слегка зашуршала шифером крыша. Ну да, я волновалась. А кто б на моем месте не волновался? Только некоторые волнуются спокойно, не накручивая себя почему зря, а вот я так не умею. Мне нужно действовать! Как физически – но я и так сейчас во всю прыть мчалась по улицам родного города, – так и умственно. Я рисовала в уме различные картины – в основном, правда, в мрачных тонах; я в каких-то пределах даже паниковала, но все-таки и надеялась на лучшее тоже. Или хотя бы не на очень плохое.

Короче говоря, я рассуждала так: если ведьма действительно в чем-то замешана, я это почувствую. По глазам ее бесстыжим узрею! И по этой наглой харе так ее потом пристыжу!.. А что? Я без мамы с папой росла, дворовая, можно сказать, девчонка – и уж что-что, а драться умею. И подляны распознавать там же, во дворе, научилась. А заодно и восстанавливать справедливость. Если, конечно, против меня не трое-пятеро сразу. Но ведьма-то будет одна! Наверное. В крайнем случае, зеркальный фотик еще чем хорош? Он тяжелый. Ваня меня потом простит, если что. Ради него же все.

Это было первое мое рассуждение. Второе выглядело бо-

лее мрачным: ведьма на самом деле ничего не знает. Но тогда пусть колдует! Пусть развивает в себе способности поиска – самой же потом пригодится.

А еще я надеялась, что она мне расскажет, о чем Ваня тогда говорил, как себя вел. Может, на ее взгляд ничего необычного и не было, а вот я – бэм-с! – и догадаюсь по какой-то незначительной крупице, что могло стать причиной всей это дальнейшей фигни. Истина кроется в мелочах, поверьте!

И вообще, положи руку на сердце, откуда мне что знать наверняка? А вдруг даже мои буйные рассуждения не сумели дойти до того, что на самом деле устроил у Анны Александровны мой Ванечка? Ведь не зря говорят, что в тихом омуте черти водятся... Нет-нет! Ничего страшного он все равно сделать не мог! Мой Ваня очень хороший. А если вдруг даже... ну, мало ли!.. Так это лишь разве что из-за любви ко мне. Во всяком случае, мне очень хотелось в это верить.

Вот надо же! Я и не ожидала, что ведьма Анна Александровна мне понравится. Не то чтобы я восхитилась ею до опупения, но все-таки. Она оказалась вполне еще молодой, хотя и старше меня лет на десять, и вполне себе привлекательной – поверьте, уж если я вижу, что женщина симпатичная, то так и говорю, а не начинаю искать в ее облике изъяны. Мне еще понравилось в ней то, что она умела смущаться. Даже порой краснела – уж это вряд ли сыграешь. В об-

щем, встретить я эту молодую женщину где-нибудь на улице – у меня бы и мысли не возникло, что она ведьма. И сейчас бы не возникло, если бы я заранее об этом не знала. Она даже одевалась, по-простому, по-домашнему. Сейчас на ней были линялые джинсы и клетчатая рубаша навыпуск. Единственное, что мне показалось в ней чуточку ведьминским – так это темные волосы длиной ниже плеч, да и те оказались прямыми и гладкими, а не всклокоченными пугающей копной. Еще Анна Александровна была босиком, что мне тоже показалось неким признаком ее профессии, сама не знаю почему.

А вот мне она велела не разуваться – наверное, надеялась, что так я скорее уйду. Ну-ну. Это мы по обстоятельствам будем смотреть, а не по степени натертости пяток. Но мне мои туфли ничуть не жали, так что я могла их не снимать хоть вечность.

Анна Александровна поздоровалась со мной сухо, но вежливо и провела за собой в комнату, увидев которую, я невольно сказала:

– Вот это да!

Чего там только не было, каких только всяких-разных магических и колдовских штук! Крутилово-закрутилово! Одни только жуткие гады – живые и высушенные – чего стоили! Ну, там не только гады в прямом смысле имелись, а также еще и огромные жуки-пауки, жабы-лягухи и представители мышинно-крысинного роду-племени, но гады меня особенно впечатлили. Не люблю я гадов – ни ползающих,

ни прямоходящих. Даже в засушенном виде.

А еще меня насторожили черепа. Особенно те, что с рогами. Все-таки Ванечка мой Лосев. Мало ли... Неудачно колданула, а у парня – бэм-с! – рога выросли. Интересный же экземпляр для коллекции! Но нет, это я так, в порядке бреда. Зубы у Ванечки были точно не такими уродливыми, как у этих черепов. Да и рога на лосиные точно похожи не были – уж их-то бы я узнала.

И все-таки я решила это зафиксировать, и спросила у ведьмы:

– Сфоткать можно?

– Это еще зачем? – насторожилась Анна Александровна.

– Красиво же! – практически не притворяясь сказала я, чем, видимо, польстила хозяйке, и она не особо охотно, но все же кивнула:

– Только чтобы я в кадр не попала.

Я сделала несколько снимков – не только черепов, но и прочих экспонатов, а также всей обстановки в целом. Как в качестве маскировки своего непосредственного интереса, так и вообще – на самом же деле красиво.

Сесть мне потомственная ведьма не предложила. Сложила на груди руки и холодно поинтересовалась:

– Так что вы, собственно, от меня хотите?

– Я не от вас, – прямо и честно ответила я. – Я в принципе хочу, чтобы Ваня вернулся. Иван, в смысле.

– Ваш будущий муж? – уточнила Анна Александровна.

– Я очень надеюсь.

– А вы не рассматривали вариант, – заметно смущаясь, сказала ведьма, – что Иван просто-напросто передумал быть вашим мужем?

– Ага, и утром поэтому дал мне ключи от своей квартиры. Очень логично, прям возразить нечего.

– То есть, последний раз вы его видели утром?

– Сплюньте! – испугалась я. – Какой еще последний? Вы же сама ведьма, знаете, как опасно бывает случайно брошенное слово!

– Согласна, простите, – покраснела Анна Александровна. Схватила за щеки руками и поправилась: – Больше вы после этого Ивана не видели?

– Нет.

– Но почему вы сразу сделали вывод, что он пропал? Он ведь просто мог куда-то пойти... Ну да, вероятно, его телефон тоже молчит. Но ведь он мог разрядиться!

– Распилиться он мог, а не разрядиться, – буркнула я и достала из сумочки огрызок смартфона, который предусмотрительно захватила с собой.

На ведьму это произвело впечатление, но не особенно сильное. Она повертела в руках обломок гаджета и сказала:

– Вот видите! Тогда тем более.

– Тем более что?

– Тогда Иван тем более не мог отвечать на ваши звонки.

У него сломался телефон.

– Да что вы говорите? Надо же, какой вы четкий диагност – по одному небольшому кусочку можете определить неисправность всего устройства! Это магия, да?

– А вот этого не надо, – раздраженно взмахнула рукой Анна Александровна. – Сомневаюсь, что это смешно. И уж совершенно точно не поможет делу. Однако согласитесь, что разговаривать с вами по телефону Иван точно не мог.

– Не соглашусь. Потому что он как раз со мной по телефону и разговаривал, когда эта фигня случилась, – ткнула я пальцем на огрызок в руке ведьмы. – Говорил-говорил, потом – бэм-с! – и замолчал. Поднялась в квартиру, а там это, – снова показала я на то, что осталось от телефона любимого. – А от самого Ванечки – вообще ни кусочка...

Я не сдержалась и шмыгнула носом. Крутилово-закрутилово! Хоть бы не разреветься перед потомственной ведьмой. Которая уже поспешила меня успокаивать:

– Но ведь это и хорошо, что в квартире не было кусков самого Ивана! Сомневаюсь, что вас бы это обрадовало сильнее, чем их полное отсутствие.

– Вы правильно сомневаетесь, – сказала я. – Но где гарантия, что его куски не разбросаны где-нибудь в другом месте? И их сейчас клюет воронье...

Теперь я уже откровенно всхлипнула. Потому что представила озвученное слишком реально и красочно. И торопливо перевела разговор на другое:

– А зачем Ваня приходил к вам?

– Я не разглашаю тайны клиентов.

– Так у него была тайна?! – ахнула я.

– Ну-у... – вновь смутилась ведьма. – В какой-то мере да.

Но не обращайтесь внимания, – вовсе не в той, какая могла бы привести к подобному исходу.

– Выкладывай! – перейдя на «ты», грозно шагнула я к женщине.

– Но-но! – попятилась она и погрозила мне пальчиком.

Вспомнив, кто передо мной, я остановилась. Но лишь физически. Останавливаться в других смыслах я вовсе не собиралась.

– Рассказывай все, что говорил тебе Иван! – сверля ведьму взглядом, выпалила я. – Иначе, и это уже не угроза, я отправляюсь в полицию!

Я зачем-то потрясла фотоаппаратом, и похоже, именно это и побудило Анну Александровну заговорить. Странно, там же ничего такого не было... Или эти черепа с рогами и в самом деле неспроста?

– Да Иван всего-навсего хотел проверить свои чувства к тебе! – тоже перейдя на «ты», воскликнула ведьма.

– Это как же?! – ахнула я.

– Это так же! – разошлась Анна Александровна. – Любовная магия, знаешь ли! Или ты забыла, чем я занимаюсь?

– Я не про тебя... – сглотнула я непонятный ком в горле. – Я про Ваню. Он что... сомневался, любит меня или нет?..

Я все-таки разревелась. Вот дура-то! Что тут же и подтвердила ведьма:

– Перестань реветь, дура! В том-то и дело, что он слишком тебя любил, потому и боялся сделать тебе больно!

– Почему «люби-ил»?! – завывала я. – Почему «боя-ался»?! Его уже нет?! Ты что-то знаешь?! Говори-и!..

– Бздых-тырыдых! – взмахнула руками ведьма. Не, она что-то другое сказала, но по смыслу похожее. И я сразу прекратила реветь. Будто кран перекрыли. Анна же Александровна продолжила уже спокойно, будто ничего этого и не было: – Прошедшее время я употребила условно. И твой Иван не сомневался в своей любви, он лишь опасался, не потухнет ли его чувство в скором времени.

– И как? – искренне заинтересовалась я. – Не потухнет?

– А вот это уж точно не твое... – начала ведьма, но я потрясла фотиком, и она закончила фразу: – ...не твоя проблема, потому что он будет любить тебя еще очень долго.

– Сколько?

– Не скажу, – насупилась Анна Александровна. – Пожалуйста, не проси! Но правда очень долго.

– Больше трех лет? – спросила я.

– Определенно больше.

– А... десяти?

– Больше. Все, Олена, хватит!

– Как ты меня назвала? – подбоченилась я.

– А... разве тебя зовут не так?

– Для тебя я Лена, – процедила я.

Но в глубине души у меня пылал цветок счастья. Не... Если цветок пылает – ему хана. А во мне наоборот, будто что-то зародилось. Ну, не в том смысле, что вы подумали, а в смысле большой и светлой радости. Какой он все-таки хороший, мой Ванечка! Самый-самый! Ну вот лучше всех, правда! Только бы еще найти его... И я продолжила допрос:

– А дальше что?

– Ничего, – отвела взгляд Анна (не буду ее больше называть Александровной – надоело, да мы уже и на «ты» все равно).

– «Ничего» – в смысле, космический вакуум? – прищурилась я. – Чего ж тебя туда не засосало?

– «Ничего» – это Иван попрощался и ушел, – глянула на меня ведьма, покраснела и снова отвела взгляд.

– А что было между тем, как ты поставила ему диагноз, и тем, как он попрощался и ушел? – поняла я очень многое по этому взгляду.

– А между этим он повел себя по-хамски! – вспыхнула вдруг Анна. – Похоже, вы и в самом деле очень подходите друг другу! Два сапога пара.

– Сама ты... валенок! – обиделась я. – Не может Ваня вести себя по-хамски. Даже мне ни разу не удавалось его вывести. Правда, я пока плохо старалась. А у тебя, значит, получилось? Интересно, как же? Не поделишься? Может, ты крепость его чувств ко мне решила опытным путем проверить?

– Все! Хватит! – завопила Анна. – Я не потерплю оскорблений! Немедленно покинь мой дом!

– Ага! – подпрыгнула я. – Значит, я угадала?! Ах ты ж дрянь такая!

Вот только не надо мне говорить, что я психованная идиотка! Я это и сама прекрасно знаю. И хоть я уже рассказывала вам, что мне нравится в себе способность собраться в тех ситуациях, в которых другие обычно истерят, только иногда это правило дает сбой. Я ведь тоже живой человек все-таки.

Короче, я бросилась на Анну. Она метнулась от меня за стол. А поскольку он был круглым, мы какое-то время бежали вокруг него, словно лошади по арене. Но довольно быстро мне это надоело, к тому же я поняла, что несмотря на возраст Анна оказалась выносливей меня, а может, ей придавал дополнительные силы страх. В общем, я остановилась. Ведьма замерла напротив. Я пошарила вокруг взглядом, увидела на полке рядом какие-то баночки-скляночки, схватила одну – небольшую, чтобы не так было больно – и швырнула в Анну с криком:

– Чтоб тебе провалиться!

Вот только не надо говорить, что даже маленькой баночкой, особенно если попасть в нос или в глаз, можно нанести болезненную травму! Да, можно, знаю. Но я была сильно на взводе. К тому же скляночка в Анну и не попала. В полете из нее вылетела деревянная пробка, и ведьме всего лишь слегка присыпало голову напоминающей пепел серой пылью. А

пепел – это совершенно не больно, поверьте.

Правда, после этого Анна исчезла.

Я прекрасно понимала, что женщина именно исчезла, а не спряталась, но понимала... как бы это сказать?.. глазами, а не головой. Мой мозг отказывался принимать этот фокус. То есть он как раз и принял исчезновение Анны за фокус. По крайней мере он пытался мне это втемяшить. Но я ему не верила. А потому обошла стол и посмотрела вниз. Потом встала на колени, отдернула свисающую бархатную ткань и заглянула под стол. Могла бы этого не делать – и так ведь знала, что никого там не увижу. Просто хотела показать это мозгу, чтобы он не выделялся. Фокусы!.. Крутилово-закрутилово, здесь пахло не каким-то замороженным цирком, здесь пахло магией!

Кстати, похожая на пепел серая пыль частично еще витала в воздухе. Это натолкнуло меня на некую, не полностью еще сформировавшуюся мысль. Я пока лишь поняла, что нужно срочно найти баночку-скляночку, которой я зафитюлила в Анну. И я ее нашла. Серая пыль в ней еще оставалась. Со всем чуть-чуть, но я решила, что мне хватит. На что именно, я додумать пока не успела. Но прекрасно сознавала, что сейчас как бы самое время этим заняться.

А вот на сей раз моя способность концентрироваться и собираться в необычных ситуациях сработала как надо. Я уселась в удобное кожаное кресло потомственной ведьмы и ста-

ла думать. Что я имела? Пропажу двух человек. Причем одного из них – прямо у меня на глазах. И не просто пропажу, а реальное исчезновение! То, что тут сработала магия, сомнений у меня не оставалось. А причиной этой магии наверняка являлась серая пыль из стеклянной баночки, которую я до сих пор держала в руках. Но эта пыль подействовала на Анну. А на Ивана что? Я была уверена, что мой любимый исчез точно так же, как ведьма. Но ведь на него пыль никто не сыпал. Он вообще был в квартире один. Даже если предположить, что неделю назад, когда он был здесь, на него каким-то образом и попал этот пепел, то чего ж он так долго срабатывал? О! Может, потому, что на Ваню его попало меньше?.. Возможно. А может и нет. Может, дело вовсе не в количестве, а еще в каком-нибудь общем для обоих случаев факторов. Например... Я внезапно икнула и почувствовала, как похолодели мои щеки. Общим фактором в обоих случаях была я! Это ведь именно я разговаривала и с Ваней, и с Анной в те моменты, когда пропали что тот, что другая. И даже сказано было в обоих случаях что-то похожее...

Крутилово-закрутилово! В голове у меня нехорошо зашумело, я была близка к обмороку, что вообще-то для меня нехарактерно. Но дело в том, что я вспомнила, после каких моих слов исчезла ведьма. «Чтоб тебе провалиться!» Я это сказала – и она это сделала! Вот только Ванечке я такого не говорила. Зато... Я стала усиленно вспоминать концовку нашего с ним разговора... Я спросила, нужна ли я ему, а он

ответил, что да, нужна. Как-то так. А потом?.. А потом я переспросила, и он сказал... А-а-аа! Я вспомнила! Я четко, дословно вспомнила, что Иван мне ответил. «Да чтоб мне провалиться!» – вот что. И провалился. Точно так, как сейчас потомственная ведьма. После тех же самых слов. И скорее всего, в то же самое место! А значит и мне надо туда же! Я очень люблю моего Ванечку! Очень-очень. Поэтому куда он, туда и я!

Я зажмурилась и громко, четко произнесла:

– Чтоб мне провалиться!

Открыла один глаз – напротив меня стоял террариум со змеями. Они смотрели на меня равнодушно и холодно, но определенно меня видели. Тогда я открыла и второй глаз. Теперь я наблюдала и стеклянный ящик с пауками. Видели ли меня они, судить было трудно. Но мне хватило того, что их видела я – это значило, что я по-прежнему оставалась в комнате Анны.

Что же я упустила? И тут я осознала, что до сих пор держу в руке баночку с пеплом. Это подтолкнуло во мне следующую мысль: вот он, недостающий фактор! Недолго думая, я опрокинула на голову содержимое склянки. Пыль попала в нос, я чихнула. А потом, прижав к себе обеими руками фотоаппарат – только сейчас вспомнила, как обрѣзало Ванин смартфон! – я еще раз выкрикнула:

– Чтоб мне провалиться!

Бэм-с! Стало темно. Сработало, что ли?.. Ой! А вот дышать я больше не могла. Как-то фигово сработало... Прощай, милый Ваня, не смогла я тебя догнать в этой жизни. Мне почему-то правда стало жальче Ваню, чем себя. Я что? Ну, померла и померла. А он грустить будет. Наверное. Вот только для мертвой я что-то слишком долго рассуждала. И даже снова стала дышать. Вку-усным таким воздухом. Но по-прежнему было темно. А! Это я от страху глаза, оказывается, зажмурила. А ну-ка, откроем... Крутилово-закрутилово! Ну ни фига же себе!!!

Глава четвертая

Иван

Открыв глаза, Иван еще сильнее уверился, что он раю. Нет, тут не порхали ангелочки, не пели райские птицы, никто не трубил в трубы (а должны? в этом он не был уверен), зато это место выглядело очень красиво. Неестественно красиво. Казалось бы, обычные пологие холмы, поросшие разнотравьем, невдалеке зеленеет лиственный лес, над всем этим – синее-синее небо с белыми подушками облаков, но все это выглядело так неправдоподобно ярко, настолько преувеличенно красочно, что мысли о том, будто это обычный земной мир можно было выкинуть из головы сразу. Если, конечно, обычному миру кто-то не выкрутил на максимум цветность и не добавил яркости. Еще Иван подумал, что это очень похоже на современный мультфильм – объемный, почти правдоподобный, но все-таки сказочный.

Стоило об этом подумать, как он тут же разглядел и петляющую меж холмов дорогу из желтого кирпича... Нет, приглядевшись, он понял, что это вовсе не кирпич, а обычный желтый песок. Просто чересчур желтый, как тут и принято: уж если цвет, то цвет! Подойдя к дороге, Иван понял, что

погорячился и с этим определением. Не дорога – скорее, дорожка, тропа. Довольно широкая, но на машине не погоняешь. Если только на очень узкой. Или на мотоцикле.

А еще Иван понял, что эти дурацкие мысли насчет узких машин и мотоциклов приходят к нему в голову всего лишь для того, чтобы не думать о главном: где он? Куда он, ерш колючий, попал?!

Очень хотелось проорать это вслух. Громко-громко! Чтобы проснуться. Тут он вспомнил, что для этого рекомендуется еще себя ущипнуть. Он поднял руку, успел удивиться, что и сам стал более цветным, точнее, «насыщенным», чем обычно, но куда большее удивление вызвал у него зажатый в ладони смартфон. Вернее, кусок смартфона, верхнюю часть которого, ровно по линии пальцев, как будто чем-то срезало. Однако и тут ему не удалось как следует поудивляться: он увидел идущего по желтой дорожке человека.

Мужчина выглядел непрезентабельно: худой, согбенный, почти лысый, с жиденькой, но длинной седой бороденкой, дочерна загорелый. Точнее, до насыщенного, как и все здесь, коричневого цвета. Опирался старец на сучковатую палку, а одет был в длинное рубище из серой мешковины. Зато из очень серой – залюбуешься!

Но Иван на одежду путника любоваться не стал. Он бросился к старцу бегом и когда поравнялся с ним, понял, что тот, пожалуй, не такой уж и старый. Сбрить ему нелепую бо-

роду, выпрямить спину, надеть нормальную рубаху – и вряд ли можно будет дать «старцу» больше пятидесяти. Максимум пятьдесят пять. Ну а поскольку брить и переодевать его Иван не собирался, то и обратился с учетом нынешнего облика:

– Здравствуйте, дедушка!

– Турбурдин! – ахнул путник. – Как же ты вырос! Я тебя и не признал...

– Так я и не... Турбурдур... – проговорил Иван.

– Не Турбурдин, – поправил старец.

– Да. Не он. Я...

– А мне в дудку подуть на то, кто ты, – оборвал его незнакомец. – Потому что и я тебе не дедушка. Ишь, внучек выискался!.. – И путник явно намерился отправиться дальше.

– Пойдите! – Иван едва удержался, чтобы не вцепиться в старца. – Скажите хотя бы, где я!

– Ты тут, – ткнув пальцем под ноги, обреченно вздохнул путник. – Еще вопросы имеются?

– Да... – растерявшийся Ваня собрался было повторить вопрос насчет своего местонахождения, но передумал, решив, что ответ вряд ли сильно изменится. Вместо этого он спросил: – Кто вы?

– В Сизелоне не принято называть одного человека многими, – насупился старец. – Я – мудрец Пузик. А ты кто?

Иван с огромным трудом удержался, чтобы не рассмеяться. Имя Пузик подходило этому сухарю, как хомяку клич-

ка Мамонт. Скорее, это было не имя, а данное в насмешку прозвище. Но смеяться расхотелось быстро – как только он понял, что название местности он тоже услышал. Это пока мало что давало, кроме разве того, что с мыслью о рае тоже можно было распрощаться. Ну так оно и к лучшему так-то...

– Ты что, говорить разучился? – пристукнул палкой мудрец. Кстати, тоже интересный поворот. Или Мудрец – это лишь прозвище? А Пузик тогда что? Должность?..

Иван тряхнув головой частично вернул мозги на место и ответил:

– Я Иван. Но мне кажется, что я здесь оказался случайно. Вот только не знаю как.

– Так и я не знаю, – пожал плечами старец. – Но я ведь мудрец не просто так. Это тебе не в дудку подуть. Сто сорок лет уже мудрецом люди считают...

– Сто сорок лет?! – ахнул Иван.

– Ну не ровно сто сорок, – бросил на него угрюмый взгляд Пузик. – Сто тридцать восемь с половиной. Что, мало?

– Много... А сколько же вам самому тогда?

– Я тебе сказал уже: не называй одного многими! – шмякнул вдруг старец палкой Ивану пониже спины.

– Сколько лет... тебе? – поправился Ваня, потирая ушибленное место.

– Девяносто шесть, – буркнул Пузик.

– Но как же тогда?.. Так не бывает.

– Еще как бывает. Ты не мудрец, тебе все равно не понять.

– Да, – поспешно согласился Иван. – Но ты начал говорить, что мудрец не просто так. Ты мне сможешь помочь?

– Смогу, – кивнул старец.

– Правда?!

– Да. Но смотря в чем. Скажем, перевести через эту дорогу – как в дудку подуть!

– Мне не надо через дорогу. Мне надо домой, на Землю! Я уже понял, что это не Земля...

– Еще бы! Земля – это вот, – ткнул мудрец палкой сбоку от тропы и хихикнул: – Шагни – и дома!

– У меня там девушка! – взмолился Иван. – Невеста моя. Она же с ума сходит!

– Умственное расстройство? – покачал головой мудрец. – Плохо поддается лечению. Даже магией опасно воздействовать – на самого перекинуться может.

– Да никакое не умственное! – рассердился Иван. – Она за меня переживает!

– Так я не понял, тебе чего надо-то? – недобро посмотрел на него Пузик. – Тебе домой или девушку? Похоже, у тебя самого вот тут дует, – постучал он согнутым пальцем по лбу.

– Мне нужно домой. А дома у меня девушка, – раздраженно сказал Ваня. – Все, спасибо за помощь, дальше я сам. Скажи только, где тут эти... ну, маги или как там они? Ты же вспоминал про магию...

– А я и не забывал, – усмехнулся мудрец. – Магия – она везде. Только не говори, что на твоей Земле не так.

– Не так.

– Ты просто не знаешь. Без магии и дудка дудеть не будет.

– Ладно. Где эти маги?

– Да так-то как бы везде. В любую сторону иди – когда-нибудь да на мага наткнешься. – И Пузик повернулся, чтобы продолжить свой путь. Но почему-то пока не продолжал, явно чего-то ожидая. И он дождался.

– Ладно, прости, – проворчал Иван, – психанул я. Скажи, куда именно мне лучше пойти?

– На данный момент у тебя три варианта, – быстро повернулся к нему старец. – Первый – это вообще никуда не ходить.

– В смысле?

– В самом прямом. Стой здесь. Или присядь, вон, на травку. Существует вероятность, что именно здесь когда-нибудь пройдут все люди и прочие существа всех миров Вселенной. В том числе и твоя девушка.

– Шекли я тоже читал, – отмахнулся Иван. – У него это в каком-то рассказе было. Но мне такой вариант не подходит. Хотя бы уже потому, что я банально захочу есть и пить. И вообще я ждать не люблю. Тем более у моря погоды. Я люблю действовать.

– До моря тут далеко, не надо передергивать! Но если хочешь действовать, то есть еще два варианта: ты можешь пойти или вон в ту сторону, где лесок, видишь? Или в другую, где город. Я бы советовал пойти в город.

– А там, где лесок, что?

– Там магическая община, в дудку им дуть, обитает, – поморщился Пузик. – Поклонники Юстера Литца. Слышал, нет? Да где тебе!

– А вот как раз и слышал... – очень тихо проговорил Иван. А потом завопил: – Спасибо! Я к Юнкерсу! – И помчался по желтой тропе в сторону леса.

Старец догнал его неожиданно быстро – и даже не запыхался при этом.

– Ты куда? – дернул он Ваню за рукав. – Я же сказал, что советую идти в город!

– Но мне нужен этот самый Литц! Скорее всего, именно из-за него я сюда и попал.

Мудрец вдруг расхохотался во весь голос.

– Ли... Ли... Литц ему нужен!.. – истерично завсхлипывал он, вытирая слезы. – Ой, не могу! Ой, насмешил!

– И чем же, позволь узнать? – недовольно свел брови Иван. Он вообще не любил, когда над ним смеются, а когда еще неизвестно почему...

– Так он же шнырятель, – отсмеявшись, но все еще отдуваясь, сказал Пузик с такой интонацией, будто это все объясняло. Ивану не объяснило, и он попросил:

– Поясни!

– А чего тут пояснять? Юстер Литц тем и знаменит, что никто никогда не знает, где он находится в данный момент.

Литц шныряет между мирами, как между деревьями в густом лесу. Вот он здесь, а вот уже там. И где это «там» – пойдй пойми. Шнырятель и есть.

– А что, миров действительно так же много, как деревьев в лесу? – спросил Ваня.

– Да ты что? Их куда больше. Скорее всего, вообще бесконечно много. Деревья – это я для примера привел.

– И почему это Юнкерс... или как его там?.. Юстриц... Никак не могу запомнить это имя!..

– Юстер, – подсказал мудрец. – Юстер Литц.

– И почему этот Юстер шныряет? Это у него выходит самопроизвольно, или он делает это целенаправленно?

– Кто как говорит, – вздохнул старец. – Началось-то по желанию, конечно. Он все снадобье изобретал, чтобы можно было легко в другой мир переместиться. Вот и изобрел. Переместился куда-то. А потом – то ли так понравилось, что он угомониться не может, то ли что-то зашло не туда, и у него не получается остановиться уже не по своей воле.

– А его снадобье осталось? – судорожно сглотнул Иван, невольно проведя рукой по волосам.

– Нет. Оно с ним вместе шныряет. Но какие-то записи есть, на столе были ингредиенты, которыми он перед этим пользовался... Вот и создалась община его поклонников, которая пытается разгадать этот секрет и воссоздать нужный состав.

– У них что-то получилось? – вновь машинально пригла-

дил Ваня волосы.

– Что-то да, но вот что именно... Лучше в дудку подуть, чем их снадобья пробовать. Говорят, одного или двух прямо на солнце занесло. А ты знаешь ли, какое оно, солнце-то?

– Знаю. Желтый карлик. То есть это на Земле желтый карлик. Но и ваше, вроде, похоже.

– Сам ты карлик! – снова захохотал мудрец. – Солнце огромное! Как если взять самую большую гору и выдуть из нее вдесятеро бóльшую! И огнем непотухающим зажечь. Вот и будет тебе солнце. А ты – карлик!..

– Глупости все это, – сказал Иван. – Я-то здесь очутился, а не на солнце. А раз у этих поклонников есть порошок, которым на меня... который я на себя...

– Да погоди ты! – непонятно чему рассердился старец. – Порошок, порошок! Говорю же, не то это снадобье, не настоящее. То ведь как замышлялось Юстером: чтобы после него куда подумал – туда и переместился. А после этих суррогатов так не получается. Они ведь еще заклятия читают, общинники эти... А придумывают их сами. Главное, говорят, передать человеку, наделенному снадобьем, право Литца. Тогда он в другой мир и отправится. А некоторые после этого в лучший из миров отправились, как те, что на солнце...

– Погоди, – остановил словесный поток мудреца Иван. – Что, ты сказал, передать? Провалиться?.. Это как?

– Да не «провалиться», а «право Литца»! – И тут Пузик снова развеселился: – Вот ведь, в дудку подуть! И впрямь:

право Литца на то, чтобы провалиться! Ха-ха-ха!..

– Стоп! – поднял руку Иван. – А ну-ка, скажи мне: «Чтоб тебе провалиться!»

– Тебе? Право Литца? Зачем?

– Чтобы провалиться, зачем еще-то? – вскипел Ваня. – Чтобы домой вернуться. Давай, говори!

– Нет, не скажу, – испуганно замотал головой Пузик. – Это кто же знает, куда ты провалишься! А если и правда на солнце?

– Далось тебе это солнце! Ладно, тогда точно: пока. Я к этим лесным ребятам пошел. Может, они посмелее тебя.

– Они поглупее меня! – возмущенно вскричал старец. – Им что в дудку подуть, что тебя на солнце пухнуть! Все же так, наобум, на пробу... У них там и магов-то нормальных – раз-два, да и те бестолковые.

– И что ты предлагаешь?

– Так я уже предложил! Надо идти в город. Там тебе и частнопрактикующие маги, и придворные, и даже магическая академия имеется. Шарлатанов тоже, конечно, хватает, но я для тебе правильного мага найду, надежного.

– Так получается, что и без снадобья можно из мира в мир перемещаться?

– По-всякому можно. Не так это просто, конечно, но...

– А скажи-ка мне, уважаемый мудрец, – прищурился Иван. – Тебе-то какой смысл мне помогать?

– Ну... какой... – смутился Пузик. – Ты бы меня хоть по-

кормил, на ночлег определил, а то я уже кореньями питаюсь, да в травах луговых почиваю...

– Напортачил где-то или обобрали?

– Да как бы и то, и другое, – еще сильнее засмутился мудрец.

– Так ведь и со мной тебе тоже не повезло, – развел руками Ваня. – Гол я, как сокол. Как же я тебя накормлю и на ночлег пристрою?

– А в руке у тебя что за камень? – спросил Пузик.

Только теперь Иван обратил внимание, что до сих пор сжимает в ладони обломок смартфона.

– А! Это? Это уже ничего, – размахнулся он, чтобы выбросить мусор.

– Стой! – схватил его за руку мудрец. – Дай-ка сюда!

Иван, усмехнувшись, отдал старцу то, что осталось от гаджета. Тот благоговейно покрутил в руках черный блестящий огрызок и торжественно объявил:

– Это же не в дудку подуть! Это не просто странный камень. От него так и разит магией! Только необычной, странной, и будто бы нарушенной... Но за это твое «ничего» тот маг, с которым я тебя как раз и сведу, столько денег отвалит, что мы месяц сможем в городе жить и в трактире себе пузики набивать.

– Э-э, нет! Ни о каком месяце и речи быть не может! – запротестовал Иван.

– Хорошо. Тогда ты домой возвращайся, а я два месяца

в городе поживу. Тебе же на Земле наши деньги все равно не пригодятся.

– А может, я нумизмат? – хмыкнул Ваня.

– Может. Но деньги чужого мира принесут с собой беду.

– Да ладно тебе! – засмеялся Иван. – Я же не мальчик – страшилок пугаться. Отдам я тебе деньги. Хотя мне слабо верится, что за этот кусок пластика с пиленой начинкой нам хотя бы корку хлеба дадут.

– Дадут-дадут! – потянул его в сторону города Пузик. – Только ты во всем меня слушай.

– Да чтоб мне в дудку не дунуть! – поклялся Ваня.

И они зашагали по желтой дорожке как раз в ту сторону, куда изначально и шел Пузик. Это навело Ивана на некоторые подозрительные мысли – не захотел ли хитрюга-мудрец всего лишь воспользоваться удобным случаем. Но с другой стороны, а такой ли уж он, Иван, удобный? Денег у него при себе и впрямь нет, ничего ценного тоже. Огрызок смартфона? Даже смешно надеяться, что кто-то позарится на такую «ценность».

Единственное, что у него было действительно ценным – так это новые кроссовки. Очень удачно получилось, что он оказался в них! Просто показалось, что встречать невесту к торжественному ужину в растоптанных шлепанцах будет не очень пристойно. Вот и переобулся, благо кроссовки – и впрямь очень хорошие – купил буквально за пару дней до

этого и еще ни разу не надевал. И вот надо же – как пригодились! То-то бы он шлепал тут в своих шлепках! Хотя Пузик, вон, вообще босиком топает – хоть бы хны. Ну так он привык: может, всю жизнь так ходит, и кожа на ногах у него покрепче иной обуви.

А вдруг жуликоватый старец как раз на его кроссовки и позарился?.. Он ведь проговорился, что где-то напортачил, и его обобрали. Может, как раз обувь в отместку и сняли. И теперь он, найдя подходящего дурачка, хочет отыграться.

Иван вроде бы и понимал, что скорее всего напрасно придумывает о Пузике глупости, но с другой стороны: а кто его знает? Что тут вообще глупости, а что нет – поди разберись! Весь этот мир, вся ситуация в которой он, Иван, оказался – не что иное как о-огро-омная глупость! Как то самое солнце, которое надули из большой-пребольшой горы. Уж это-то точно неправда, а мудрец выдает за бесспорную истину. И все, что он наплел про город, про надежного, правильного мага, который за кусок мусора их на руках носить станет, – это вполне может оказаться таким же «дутьешем».

Иван остановился и спросил:

– И далеко еще до твоего города?

– Он не мой, – сказал Пузик. – Я родился в другом месте.

Даже в другом королевстве.

– А сюда что, эмигрировал?

– Зачем мне игрировать? Я человек взрослый, серьезный.

И пришел сюда, не в игры играть, не в дудку дудеть.

Он вроде как даже обиделся, а Иван вдруг призадумался: здесь вообще нет такого понятия, как эмиграция, или старец просто его не расслышал? И тут вдруг Ваню будто окутало холодной волной: как же получается, что в невесть каком мире вообще говорят по-русски?! Такого просто не могло быть. Этому могло найтись лишь одно объяснение... Точнее два, но практически с одинаковым смыслом: или он спит, или бредит. В последнем случае вообще, например, находится в коме. Это, пожалуй, даже логичней, потому что сон не может быть таким последовательно долгим. Но почему он оказался в коме?!.. Да мало ли! Даже у молодых и здоровых случаются всякие неожиданные напасти: тромб какой-то оторвался, галстук туго завязался... Нет, он был без галстука. Значит, тромб.

Но в таком случае он может сейчас идти куда угодно и делать, что заблагорассудится – все равно это неправда. С одной стороны – здорово, можно не бояться напортачить, а с другой – обидно, если из комы он так и не выйдет. Олушка, опять же, расстроится...

– Да какие уж тут игры... – вздохнул он.

– Вот и я о том, – сказал Пузик. И так получилось, что Иван как раз смотрел на губы старца, когда тот это произнес...

Ваня готов был поклясться, что губы мудреца шевелились не в такт словам!

– Скажи еще что-нибудь, – нервно сглотнув, попросил парень.

– Я тебе кто – сказитель? – нахмурился Пузик.

Теперь Иван смотрел на его рот очень пристально, и убедился, что слышит вовсе не то, что произносит собеседник.

– Ты говоришь не то, что я слышу! – припечатал он с таким видом, будто застал мудреца на месте преступления.

– Ну ты мудрец, я смотрю, – хихикнул старец. – Еще мудрее меня! Как и догадался-то?

– Но... А как?.. – заморгал Иван. – А почему?

– А тебе что, хотелось, чтобы мы друг дружке в дудки дудели? Я тебе: «Ту-ту-у!», ты мне «Ду-ду-ду!» Так бы мы лучше все понимали?

– Нет, конечно, но ведь это не от нас зависит.

– Не от нас, – согласился Пузик. – Это зависит от смысловой магии. И если ты скажешь, что на твоей Земле ее нет, я буду называть тебя не Ваней, а Враней.

– У нас ее нет. Но я не вру, это правда. Чтобы понять людей, говорящих на других языках, мы эти языки учим, или пользуемся услуги переводчиков, которые эти языки знают.

– Сумасшедший мир! – покачал головой мудрец. – Теперь я понимаю, почему ты беспокоишься за умственное здоровье своей невесты. Но я все равно не пойму... Ладно людские языки. Наверное, можно один-два выучить и быть этим... переводчиком. А со зверями как? Как твой переводчик сможет по-птичьи чирикать, или по-лягушачьи квакать? У них

ведь голосовой аппарат другой системы.

Иван рассмеялся:

– Ладно, согласен, смешно. Но ты так и не сказал: далеко еще до города?

– Погоди... – обиженно надулся Пузик. – Ты что, думаешь, я насмехаюсь о зверье? Или если на вашей отсталой Земле никто ничего не умеет, то и у нас так же?

– Не надо, – мотнул головой Иван. – Мне и правда не до смеха. Скажи, скоро ли город, и пойдем дальше.

– Ну, в дудку подуть!.. – возмущенно запыхтел мудрец. – Ну я тебе сейчас, неверующему, покажу...

Он завертел головой, приставив ко лбу козырьком ладонь, поднял голову и радостно воскликнул:

– О! Смотри, Иван-невера!

Ваня неохотно поднял голову. Метрах в десяти над ними порхала какая-то птица – в орнитологии он был не силен. Но Пузик, похоже, разобрался.

– Эй, стрижек! – крикнул он. – Видно ли город? Близко ли до него?

– Видно-видно! – тоненько, но громко и отчетливо прочиркала птичка. – Близко-близко!

Иван подозрительно уставился на мудреца. Что такое чревовещание, он слышал. Впрочем, он мог бы поклясться, что писклявый голосок доносился именно сверху. И тогда он, задрав голову, крикнул стрижу сам:

– А что за город-то? Как называется?

Птичка испуганно пискнула и улетела.

– Ну ты дал, – укоризненно покачал головой Пузик. – Как в дудку подул. Если я сказал, что мы со зверьем друг дружку понимаем, то это не значит, что ум у них такой же как у нас. Разве что как у тебя...

– Но-но! – вскинул голову Ваня.

– «Но-но»!.. – буркнул старец. – Вот то-то и оно. С собакой там или лошадю еще можно о чем-то посудачить, да и то о простом. А у птички-то умишка – с ноготок! А ты ее о названиях... Еще бы о численности населения спросил. Хотя, правду сказать, вброны – те до пяти-шести легко считают, а какие и до десятка. Но то – птицы умные...

Между тем Иван с Пузиком взобрались по тропе на очередной взгорок – и Ваня ахнул: впереди перед ним красовался город, будто сошедший со страниц волшебных сказок. Или, скорее, с экранов фэнтезийных фильмов. Расписные купола и высоченные шпили башен и башенок, резные окна, в которых стекла сверкали бриллиантовым блеском... Блестели также те купола и башни, что были сделаны, казалось из чистого золота, а некоторые – то ли из платины, то ли пусть даже всего лишь из никеля, но сияли так, что смотреть было больно. А в стенах переливались всеми цветами радуги драгоценные камни! Иван был уверен, что именно драгоценные, на меньшее такой город вряд ли бы согласился. И весь этот блеск, все это сказочное сияние будто высвечивало

охватывающий весь город радужный купол.

– А ты не хотел идти, – горделиво усмехнулся мудрец, откровенно любуясь оказанным на Ивана эффектом. Можно было подумать, что именно Пузик и возвел жилистыми загорелыми руками эту волшебную каменную сказку.

Ваня же снова стал думать, что он в коме. Но в такой коме он бы хотел задержаться немного подольше. Хотя бы настолько, чтобы успеть посмотреть на это чудо зодчества изнутри.

– Чего застыл? – хмыкнул старец. – Идем скорей, до захода солнца надо успеть – ночью и за твой волшебный камень ворота не откроют.

И они припустили вниз по взгорку к распахнутым золотым воротам в ослепительно белой, усыпанной рубинами с изумрудами крепостной стене.

Глава пятая

Ола

Да уж!.. То, что я увидела перед собой, и в самом деле показалось мне раем. Сказочный город! Самый настоящий! Как этот, где правил великий и ужасный Гудвин! Правда, тот был всего лишь Изумрудным, а этот, похоже, и рубинами с бриллиантами не брезговал. Во всяком случае сверкал так, что над ним прям крыша из радуг образовалась.

Хотя, стоп! Если тут город, то это не рай. В раю вроде как городов нет. Там только райские сады да кущи. И змеи. Я на всякий случай огляделась вокруг: змей рядом не было. Зато была эта гадская змеюка, из-за которой все и началось – потомственная Анька! Стояла и крутила своей ведьминской башкой, офигевая, похоже, не меньше моего.

– И че? – спросила я у нее напрямик.

Анна вздрогнула. Точнее, даже подпрыгнула. Я что, в кого-то страшного превратилась?..

– Ты чего прыгаешь? – решила уточнить я, оглядев перед этим себя насколько смогла; во всяком случае руки-ноги у меня были на месте, туфли с платьем тоже остались при мне. И даже фотик оказался целым, нераспиленным. Но ли-

да своего я, понятно, увидеть, не могла, и это меня слегка нервировало. Меньше, конечно, чем вся ситуация в целом, но тем не менее.

– Ты меня напугала, – ответила ведьма. И снова подпрыгнула: – Видишь, что ты наделала?!

Крутилово-закрутилово! От такой наглости я просто онемела. На пару-тройку секунд. А потом завопила:

– Я?! Это я наделала?! А с чего все началось?! Не ты ли моего Ванечку заколдовала, что он куда-то провалился?

– Я его не заколдовывала! Я всего лишь провела очищающий обряд... – Анна слишком быстро захлопнула рот, поняла, видимо, что сболтнула лишнего.

Но мне этого хватило, чтобы вцепиться в нее мертвой хваткой. Причем буквально. Я в три прыжка оказалась рядом с ведьмой и обеими руками вцепилась в ее длинные темные космы. Фотик я перед этим предусмотрительно повесила на шею.

– Выкладывай все! – рявкнула я, дернув Анну за волосы.

– Ай! – ответила та и добавила: – Но я сомневаюсь, что это все из-за этого...

– Ну конечно! – закивала я. – Конечно, не из-за этого. Это все из-за всемирного потепления. Сначала Ваня потеплел, потом мы с тобой... – Я дернула ее сильнее: – Выкладывай, пока без волос не осталась!

И ведьма торопливо стала рассказывать. Как Ванечка сыпанул себе на голову порошок, как Анна провела потом очи-

щающий обряд...

– Хорошо, – оставила я наконец в покое ее волосы. – Ты провела обряд. И скорее всего, именно там и накосычила. Но мне непонятно, при чем здесь я!

– Вот видишь! Значит, обряд ни при чем! – обрадовалась Анна. – Не обращай внимания.

– Давай я сама буду решать, на что обращать внимание, а на что нет! – рыкнула я. – Это тебе шуточки, что ли, трех человек – бэм-с! – и невесть куда зафигачить? То есть, двух человек и одну ведьму-неумеху.

– Да, я еще неопытная! – вскинулась Анна. – Но я тоже человек, и все человеческое мне не чуждо, в том числе и ошибки.

– Ага! – нацелила я на нее палец. – Значит, все-таки признаешь, что накосычила?

– Состав я приготовила правильно! А вот заклинание... Мне с ним мало приходилось работать, могла и перепутать слово-другое. Хотя я сомневаюсь!

– А то, что мы сейчас здесь, в этой цветастой сказочной хрени, ты тоже сомневаешься?

– Нет, – вынуждена была признать Анна. Вот это мне в ней нравилось: поупираться-посомневаться она, конечно, сама не своя, но внаглую врать определенно не приучена. Правдивая ведьма – крутилово-закрутилово!

– Тогда говори, каким это местом твое заклинание меня зацепило?

– Когда я его произносила, в комнате были только мы с Иваном, без сомнений, – помотала головой ведьма. И схватилась вдруг за вспыхнувшие щеки: – Ой!..

– Ага, – нахмурилась я. – Продолжайте, гражданка Кривые ручки. Нет, Тупой мозжечок.

– Мозжечок – это немного иное, – попыталась возразить Анна, но я показала ей кулак, и ведьма поделилась своей версией: – Видишь ли, все это время на столе лежал телефон Ивана с твоей фотографией... А потом, по окончании ритуала, я сделала сожженным составом метки – себе и твоему Ивану.

– Куда это ты Ванечке метку поставила? – прищурилась я.

– На лоб. И себе тоже.

– Ну а я-то тут при чем?! – в который раз спросила я.

– Вероятно, когда я подавала Ивану телефон, я запачкала сажей и твое лицо...

– Ты запачкала экран смартфона, а не мое лицо!

– При колдовстве не всегда важно – реальное это лицо или только изображение.

– Что ж, – вздохнула я. – По крайней мере теперь все ясно. Было выполнено три условия: каждый из нас был посыпан твоим волшебным порошком, каждому ты прочла заклинание с постановкой метки, и каждому было сказано, чтобы он... она... они... провалились.

– Нет, – стала вдруг очень серьезной Анна. – Каждому было передано право Литца.

– Я так и сказала, каждому было передано: «Чтоб тебе провалиться»!

– Не «провалиться», а «право Литца», – вздохнула ведьма. – Все так вот нечаянно сошлось и совпало. Я сначала сомневалась, но теперь...

– Погоди-погоди-погоди! – замотала я головой. – Вот это вот обычное «провалиться» какие-то там магические силы слышали как «право Литца», а это самое право дает человеку, тьфу ты, право проваливаться хрен знает куда?

– Ну... сам Юстер Литц хотел, чтобы не хрен знает, а куда надо. Так, во всяком случае, написано в магических книгах.

– Вот этот Юстер-Шмустер пусть куда надо и проваливается. Я даже могу подсказать, куда именно. А мы сейчас найдем Ваню и отправимся домой.

– Сомневаюсь, что это сработает, – едва слышно пробормотала Анна.

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась я. – Что мы не найдем Ваню? Еще как найдем! Я тебя носом землю рыть заставлю, и сама не отстану.

– Я не про это... Просто, видишь ли, право Литца дается не навсегда, а только на одно перемещение.

– То есть, чтобы нам вернуться, нужно снова обсыпаться этим волшебным пеплом, ты должна сделать и сжечь снадобье, прочесть заклинание и выпачкать нас сажей?

– И потом передать право Литца.

– А, ну да! – воскликнула я. – Это же самое сложное! А

порошок, снадобье, заклинание – это так, фигня. У нас этих порошков – все карманы набиты. А заклинания у тебя вообще от зубов отскакивают.

– Не надо так, – надулась ведьма. – Я в такой же беде, что и ты.

– Нет, не в такой! – завопила я. – У меня еще жених пропал!

– Вот давай с его поисков и начнем, – сказала ведьма. – А я пока буду думать, как быть дальше. В любом случае в этом мире должны быть такие как я...

– Такие как ты у нас уже есть, – перебила ее я. – Больше скажу: у нас их даже избыток. Нам бы кто покруче. Без обид! Но вообще ты четко мыслишь: первым делом нужно найти Ивана. Ну а по пути, может, и какая ведьма подвернется.

– Я предлагаю начать поиски с этого города, – кивнула на каменную сказку Анна. – Солнце уже очень низко, и я сомневаюсь, что ворота будут держать открытыми всю ночь.

Я тоже засомневалась. Не насчет ворот, в принципе.

– Стоп! – сказала я. – В этот город нам не надо.

– Почему? – часто-часто заморгала Анна. – Он же вот, совсем близко!

– Как раз поэтому. – Я посмотрела на ведьму испытывающим взглядом: – Не дотумкиваешь?

– Не-ет... – протянула она в задумчивости. А потом ее лицо прояснилось: – Я кажется поняла! Ты думаешь, что нам

нечем будет расплатиться за ночлег и все такое...

– И это тоже. Все такое нам как раз могут предложить в качестве платы. Ты готова?

– Ты что?! – отпрыгнула от меня ведьма. – Если я умею колдовать, то, по-твоему, это уже значит...

– Ничего это не значит, – перебила ее я. – И ничего подобного я про тебя в виду не имела. Тем более колдуешь ты отвратительно.

– В данном случае это не имеет никакого значения! – гордо вскинула голову Анна.

– Как раз имеет, – возразила я. – Поколдовала бы как следует, отвела глаза привратникам, а потом и в гостинице бы сделала так, чтобы нас без паспортов и денег заселили.

– Сомневаюсь, что здесь нужны паспорта, – хмыкнула ведьма. – Тем более с двуглавым орлом на обложке. А вот деньги вполне бы могло заменить что-то красивое, необычное, загадочное...

Взгляд Анны упал на зеркалку, и я сразу поняла, куда она клонит.

– Нет, – ухватилась я за фотик. – Даже не думай! И вообще, это Ванин. Кстати, пока и правда солнце не спряталось, нужно этот сказочный город пофоткать.

Я навела объектив на городскую стену, выбрала такой ракурс, чтобы были видны и переливающиеся семицветьем башенки, и радужное свечение над куполами с дворцами... Щелк! Щелк! Щелк!..

Я посмотрела на дисплей фотоаппарата, чтобы оценить хотя бы примерно, как у меня получилось. И тут – бэм-с! – у меня отвалилась челюсть. Крутилово-закрутилово! С матрицы дисплея на меня смотрел совсем другой город. Очень похожий на тот, что видели глаза – с той же самой стеной, воротами, башнями и куполами, вот только ничего на моем снимке не сверкало и не переливалось. Нет, пара куполов все-таки отбрасывали тусклые блики, но это всего лишь отражалось садящееся солнце в их металлических (вряд ли золотых, хорошо если медных) боках. Стены же были весьма обшарпанными, с обвалившейся тут и там штукатуркой. Не, ну на исторический памятник он, может, с натяжкой и тянул, но наш Суздаль или, к примеру, Ростов Великий выглядят куда презентабельнее – я как-то ездила на экскурсию.

– Да это же липа! – сказала я, показывая фото ведьме.

– Морок, – деловито кивнула та. – Наведенная магия. Но нам ведь магия и нужна! Какая разница, в какой она подается обертке.

– А вот ты знаешь, – прищурилась я, – когда начинают с обмана, с пускания блестящей пыли в глаза, то это уже ни о чем хорошем не говорит. Пиарщики хреновы!

– Но ведь Иван...

– А Ивана там нет, – уверенно отчеканила я. – Когда я сказала, что в этот город нам не надо, я именно это и имела в виду.

– Интересно, как ты можешь это знать? Я вот ведьма, и то

ничего подобного не чую.

– Во-первых, ты хреновая ведьма... Ладно-ладно, не дуйся, прости, не буду больше. Хотя это факт, и ты сама это прекрасно знаешь... Ладно! Я сказала: все. Больше не буду. А во-вторых, ты ведь то же самое и говоришь, что ничего подобного не чувствуешь. Не чувствуешь Ивана, точно?

– Не чую, – буркнула Анна. – Но я ведь хреновая ведьма!

– Вот! А сама начинаешь, – осуждающе посмотрела я на нее.

– А я никогда и не скрывала, что у меня... – Она поморщилась. – Хорошо, я тоже больше не буду. Но давай уже раз и навсегда договоримся: да, я пока неопытная ведьма. Но я и не строю из себя великую колдунью. И я не дура – откровенных глупостей стараюсь не делать. Если в чем-то не уверена – сомневаюсь...

– Правда, это не всегда помогает, – буркнула я, но тут же провела по губам невидимой застежкой: молчу-молчу!

– А когда я сомневаюсь, – продолжила, бросив на меня искоса взгляд Анна, – то стараюсь докопаться до истины, научиться тому, чего я не умею и узнать то, что не знаю.

– Очень похвально, – сказала я без тени иронии. – А теперь можно я поясню тебе, почему считаю, что Ивана в этом городе нет?

– Кажется, я уже догадалась, – торжественно объявила ведьма. – Дотумкала, как ты выразилась.

– А ну-ткать! – приготовилась я слушать и зачем-то сфо-

тографировала Анну. На фото вышла вполне нормальная девушка. Даже симпатичная, чего уж скрывать. Зато я моложе!

Ведьма недовольно нахмурилась – не любила, видать, фоткаться, – и сказала:

– Город – вот он, совсем близко, ты права. Мы с тобой переместились сюда из моей квартиры. А Иван – из своей. Вряд ли он живет в моем доме или поблизости...

– Он живет от тебя в восьми кварталах, – сказала я. – Три остановки на маршрутке. Но я к тебе перлась бегом – эту маршрутку пока дождешься...

– Вот видишь. То есть, он, скорее всего, и переместился в этот мир на таком же расстоянии от нас, что и наши с ним квартиры.

– Так побежали! Что ты стоишь?! – запрыгала от нетерпения я. – Вон, солнце уже кромки леса коснулось – будем потом в темноте шариться!

– Но я не понимаю, куда бежать, – пожалала плечами Анна. – Я же не знаю его адреса.

– Зато я знаю! – воскликнула я и продиктовала Ванин адрес.

Ведьма все же оказалась умничкой – сориентировалась мгновенно, никакого навигатора не надо!

– Туда! – ткнула она пальцем как раз в сторону садящегося красного солнца и мы торопливо потопали по дорожке из желтого кирпич... нет, не кирпича, просто по дорожке желтого цвета. Но все равно почти как в той сказке. Только не в

Изумрудный город, а наоборот – от него. И кто из нас Страшила, а кто Дровосек, я тоже пока не решила. Но Элли мы обе переросли точно. А для трусливого Льва были слишком опрометчиво бесстрашными. Скорее всего, из-за глупости. Значит, обе Страшилы. Только симпатичные.

Я даже стала тихонько подвывать под нос на мотив песенки из мультфильма:

*– От города-фальшивки
Идем мы, две паршивки...
Нет-нет, мы хорошивки,
Мы даже лучше всех!
Найти бы нам Ивана – и
Исполнится желание!
А если не исполнится,
Пуцу я всех на мех!*

Последнюю фразу я спела слишком громко. Страшила номер два помотала темной головкой и сказала:

– Уже смеркается. Лучше не шуметь. Ночью обычно выходят на охоту те, кто может пустить на мех нас.

– У меня мало мха... – испуганно сглотнула я. – В смысле меха.

– Они не сильно расстроятся, – успокоила меня Анна. – Я даже не сомневаюсь.

– Я не буду шуметь, – прошептала я, подойдя вплотную к

ведьме. – Но что нам теперь делать?

– Мне кажется, я чувю в той стороне, куда мы идем, родственную силу, – ответила ведьма. – Мы, конечно, можем заночевать под открытым небом, но...

– Но тогда нас пустят на мех! – взвизгнула я, зажала рот и пробубнила уже из-под ладони: – А родственная сила – это ведь типа ведьминской, да?

– Разумеется.

– И она там, куда мы идем?.. Но тогда, тогда... – Я горько, хоть и очень тихо заплакала: – Тогда она могла пустить на мех Ванечку-у-уу!..

– Спокойно, – стала неожиданно деловитой и серьезной Анна. – Никто пока никого никуда не пускал. А также и никому не пускали... – Ведьма заткнулась слишком поспешно.

– Не пускали что? – перестав реветь, проговорила я онемевшими губами, вполне себе понимая, что имела в виду подруга... Я сказала «подруга», да?.. Ну а что уж теперь – в чужом мире, в жутком мраке и с кикиморой подружисься. Да чего там, Анна в любом случае лучше кикиморы. А ошибки кто из нас не совершает?.. Вот только не надо говорить, что это вы, потому что врать мне, когда я расстроена и напугана – одна из самых больших ошибок.

Между тем ведьма тихо, но честно ответила на заданный вопрос:

– Кровь.

Я почувствовала легкую дурноту. Наверное, даже поблед-

нела, но было уже слишком темно, чтобы это разглядеть, так что Анна продолжила:

– Я издалека чую запах крови. – Раздался странный шлепок. – А сейчас почти не чую.

– Почти?.. – попыталась сглотнуть я пересохшим вмиг горлом.

– Да, почти. Только свою... – Снова шлепок. – Из раздавленных комаров. Пойдем-ка скорей, а то нас точно съедят. Садистски медленно и нудно.

– А меня почему-то не куса... – начала я, но тут мне в самый кончик носа с жужжанием впился комар. Я машинально хлопнула по нему, промахнулась, зато успешно попала по носу. Бо-ольно-о!.. Но я, сцепив зубы, мужественно промолчала. Не хотелось признаваться в собственной глупости.

– А вот сейчас я чую куда больше крови, – насторожилась ведьма. – И совсем рядом.

Сначала я сильно испугалась, но хлопнув носом, поняла, что неудавшееся покушение на комара вызвало у меня носовое кровотечение, в чем я и призналась Анне.

Вот хорошо иметь в подругах ведьму, пусть и не сильно пока опытную. Куда-то надавила, что-то прошептала – и кровь остановилась.

– Фпафибо! – прогундосила я.

– Погоди-ка...

Анна еще поводила возле моего лица рукой, пробубнила что-то вроде «кушла-мушла-ферфлюхтен-абенд», и я смог-

ла вдохнуть через восстановленный нос. И произнести уже четко и чисто:

– Спасибо! – А потом добавила: – А комаров прогнать силой магии слабо?

– Видишь ли, – смутилась ведьма. – Я, конечно, могу наслать заклятие на комара, чтобы он улетел и нас не касался. Но... как бы тебе понятней сказать...

– Ой, что ты, – отмахнулась я и от Анны, и заодно от комаров. – Я такая дура, что мне не понять: их слишком много, чтобы для каждого делать заклятие.

– Ты не дура, все так и есть... А массового заклятия я пока не знаю. Прости.

Между тем комаров становилось все больше и больше. Я уже устала отмахиваться.

– А ты можешь наслать заклятия на нас? Всего по одному маленькому заклятыицу? Чтобы мы стали казаться им невкусными, несъедобными, чтобы мы их чем-то отпугивали – запахом, звучанием, свечением, не знаю чем еще. Можешь? Пожалуйста, смоги-и-и! – взмолилась я, исшлепав уже все открытые части тела. Крутилово-закрутилово! Знала бы, что попаду в комариное царство, вместо фотика репеллентов набрала. И лыжный костюм надела. С очками на пол-лица. И шарфом замоталась. Ну и пусть бы вспотела. Поверьте, это такие мелочи!

– Я попытаюсь, – отдуваясь ответила Анна. Похоже, комары ее тоже достали. – Но я этого еще ни разу не пробо-

вала. И я сомневаюсь, что целесообразно делать нас несъедобными. Я могу что-то напутать, и мы на самом деле станем... Ну ты понимаешь. Насчет невкусности – то же самое. Синильная кислота в наших жилах комаров, быть может, и отпугнет, но...

– Не продолжай, – сказала я. – Я поняла.

– Насчет синильной я, конечно, пошутила, – поспешила утешить меня ведьма.

– Серную или соляную тоже не предлагай. Не люблю. Слишком едкий запах. Кстати, вот с запахом-то поэкспериментируй. Ты же помнишь, как пахнут все эти антикомариные гадости?

– Не очень. Я, видишь ли, в основном дома сижу. Походы всякие – это не мое.

– Ничего, зато сейчас находишься, – буркнула я. – Ну тогда, может, попробуешь... не помню точно, чем этих гадов отпугивают? Ультразвуком? Или инфракрасным светом?

– Инфракрасным вряд ли... – исполняя на пару со мной антикомариновую пляску, сказала подруга. – По-моему, мы им и так светимся. А вот ультразвук... Какая должна быть частота, не подскажешь?

– Да кто я тебе – юный радиолобитель, что ли?! – начала выходить я из себя. – Делай любую! Что угодно уже делай! Звук, свет, черта лысого! По-моему, они еще дыма боятся!..

– Откуда, по-твоему, из нас должен идти дым? – поинтересовалась Анна.

– Я даю твоей фантазии полную свободу! Лишь бы убралась эти кровопийцы! – завопила я почти уже в истерике.

– Хорошо, я попробую. Только потом не ругайся.

Было уже слишком темно, так что я не видела, какие именно пассы совершала подруга. А из-за комариного звона я почти не слышала и слов заклинания. Лишь отдельные обрывки: «З-з-зз... свист лютый... з-з-зз... нос гнутый... з-з-зз... свет синий... з-з-зз... кол осины...» И так далее и тому подобное. Еще минуты на полторы.

Признаться «кол осины» меня несколько смутил. Но, во-первых, я могла неправильно расслышать, а во-вторых, если прибегнуть к ассоциациям, то комары по своей мерзкой сути являлись самыми натуральными вампирами. Так что осиновый кол... Главное, чтобы Анна не предложила протыкать каждого комара осиновым колом, стараясь попасть именно в сердце. Но я все же верила, что потомственная ведьма Анна Александровна до такого примитивизма не опустится.

И тут – бэм-с! – я ее увидела. Только что аккурат к ночи помянутую потомственную ведьму. Она выглядела уставшей и синей. В смысле, уставшая Анна светилась синим светом. Неярким таким, приглушенным. Как ночничок в детской. Такой основательный ночничок, под метр семьдесят. Да еще и тоненько попискивающий, если хорошенько прислушаться.

Я-то прислушалась нечаянно, потому что на какое-то вре-

мя потеряла дар речи. Особенно когда увидела, что и сама я излучаю мягкую таинственную синеву и легонько попискиваю всем телом. А потом спросила:

– Ты что, охренела?

– Не бери в голову, – легкомысленно отмахнулась ведьма. – И вообще, ты обещала не ругаться. К тому же комары нас больше не кусают.

Комары нас действительно больше не кусали. Подозреваю, что они массово самоубились от внезапно увиденного.

– Мы что теперь – так навсегда? – задала я очень важный вопрос.

– Пока не знаю, – как всегда честно ответила Анна. – Но могу тебя успокоить, что при дневном свете, а уж тем более при солнечном, наша люминесценция не будет бросаться в глаза. А писк можно списать на звон в ушах. И опять же, днем куда больше разнообразных звуков, которые сведут на нет наше собственное звучание.

– Я тебя сведу на нет, если останусь синей и плакающей! – завопила я.

– Тише ты! – красиво замахав в темноте светящимися руками – крылья ангела да и только, – зашипела ведьма. – Забыла, где мы?

А я со всеми этими антикомариными примочками и правда о многом забыла. Зато теперь, подсвечивая себе самой же собой, я осмотрелась и поняла, что мы забрели в лес. По крайней мере и слева, и справа от желтой дорожки теперь

стояли деревья – кажущиеся особенно жуткими от нашей синей подсветки.

– Ну, – буркнула я, едва не кляцнув зубами от подступившего страха. – И где твоя родственная сила? Давай хотя бы елку найдем, под ветками как в шалаше заночуем.

– Стойте, где стоите, порождения т-тьмы! – кляцнул кто-то вместо меня зубами. Где-то поблизости. Вон из-за того дерева, вроде как.

Мне почему-то совсем перестало быть страшно. Тот, кто при виде тебя кляцает зубами, вряд ли пустит тебя на мех. Анна, скорее всего, подумала так же, потому что даже хихикнула. Ну, может, это у нее нервное, не знаю. Я же ответила прячущемуся незнакомцу следующее:

– Ты че, ослеп? Какие мы тебе порождения тьмы? Не видишь, светимся?

– А почему?

– Потому что темно тут у вас. А еще у меня жених потерялся. Ищем вот. Когда светишься, это удобнее делать, поверь. Кстати, ты его не видел? Иваном зовут.

– Н-нет, не видел... Только вы тогда в другой стороне ищите, здесь наша община. Магическая, между прочим.

– Это они, – шепнула мне Анна.

– Кто?

– Те самые, кого я почуяла. Родственная сила. – И она обратилась к незнакомцу сама: – Прошу нас извинить, почтеннейший маг. Не примете ли на ночлег в вашу магическую

общину заплутавшую ведьму со спутницей?

– Я должен посоветоваться с остальными, – наконец-то показался из-за дерева мужчина. Он был невысок, с окладистой бородкой и в чем-то вроде длинного чулка, спадающего с головы. Одежду было не разглядеть – такое ощущение, что он просто закутался в большой кусок ткани. – Мы обязаны узнать, какова на это будет воля Юстера Литца.

Я переглянулась с Анной и сказала:

– Считай, что уже узнал.

А подруга добавила:

– Мы практически от него.

Глава шестая

Ола

Магическая община поклонников Юстера Литца оказалась не такой уж и большой – одиннадцать человек. К нам с Анной, светящимся и плачущим, они отнеслись, мягко говоря, настороженно. А если точнее, кто-то завизжал, кто-то завопил, кто-то бросился бежать вглубь леса, и только невысокая, пухленькая пожилая женщина, взмахнув руками, принялась бормотать заклинание:

– Дáрбин-бáрбин-мультиплéкс! Сгиньте, синьки, дальше в лес!

Анна в ответ на это неожиданно и очень громко чихнула. А я, честно говоря, обиделась. И сказала:

– Сама ты синька! Мы вообще практически непьющие. И разве так гостей встречают?

– Они что, правда гости? – заметив чуть в сторонке от нас того самого бородатого мужичка с чулком на голове, вроде как смутилась женщина.

– Наверное, – осторожно ответил тот. – Но я их не приглашал, сами напросились.

– Зачем? – перевела на нас взгляд хозяйка. Во всяком слу-

чае мне показалось, что именно она тут главная.

– Потому что ночью в лесу страшно, – честно сказала я.

– И потому что я почуяла в вас родственную силу, – добавила Анна.

Может, зря она вот так сразу раскрыла все козыри, можно было сначала притвориться глупенькими заблудившимися простушками, посмотреть, послушать, прикинуть, что тут и как, а уж потом...

Вот только не надо говорить, что я притворщица и врунья! Но немножко хитрости в не совсем понятной ситуации еще никому не мешало. Впрочем прикинуться глупенькими простушками, светясь при этом синим светом и попискивая, у нас все равно бы вряд ли получилось, так что ладно. Что сказано – то сказано.

– Так вы магички, что ли? – окинула нас подозрительным взглядом женщина.

– Я – потомственная ведьма, – годеливо кивнула Анна и показала на меня: – А это моя ученица. И ассистент.

– Это она, небось, с ассистенцией переборщила? – усмехнулась хозяйка, любуясь нашим свечением.

– Нет, – сказала моя честная подруга. – Это сделала я. Причем совершенно сознательно. Превосходное, знаете ли, средство от комаров.

– Что, правда? – подобрался к нам, почесывая бороду, старый знакомый. Точнее, до сих пор еще не знакомый, но тот самый, кто нас первым увидел. – А мне не колданете? А то

заели, спасу нет!

– Я же тебе колдовала! – насупилась женщина.

– Да у тебя, Лигейда, как-то оно того... недолго действует.

Опять жрут.

– Значит, ты их приманиваешь чем-то. Определись, чем именно, и убери. Ты же маг! А синевой народ пугать я тебе не позволю. Между прочим, а где народ? – завертела головой хозяйка. – Э! А ну все сюда, опасности нету! – И опять сурово посмотрела на нас: – Нету ведь?

– Разве что вам комаров больше достанется, – сказала я.

Поклонники Юстера Литца, с опаской поглядывая на нас с Анной, постепенно подтянулись к Лигейде.

Мы вежливо представились и попросили предоставить ночлег. Даже не обязательно под крышей, но рядом с ними, чтобы не так было страшно злых лесных сил.

– А вы нам пожар не устроите? – буркнул кто-то.

– Мы лишь светим. Но не греем. – Анна вытянула руку. –

Потрогайте!

Трогать ее никто не стал, но вроде как поверили.

Хозяйка общины пошушукалась со своими и огласила вердикт:

– Вы люди чужие, от деяний Юстера Литца далекие, посему рядом с нами вам ночевать непозволительно. Но вы можете лечь в пятидесяти шагах от нашего крайнего шалаша, а как только взойдет солнце...

– Это мы-то далекие от деяний Юстера Литца? – прищурилась я. – Да нас сюда и принесло право великого Мастера! – Я произнесла это столь пафосно, что даже, кажется, стала чуть ярче сиять.

На общинников это произвело впечатление. Тут еще и бородач закивал: да, мол, они сразу сказали, что от него. После этого некоторые даже стали опускаться на колени, но я поспешила внести ясность:

– Мы не лично от Мастера. Но посредством его заклинаний и снадобья.

– Вам удалось добыть первоисточники?.. – затряслась от возбуждения Лигейда.

– Сомневаюсь, что пер... – вылезла со своим правдолюбием Анна, но я наступила ей на ногу и продолжила:

– ...выми о них узнали мы, поэтому относимся к нашим источникам великого таинства настороженно.

– Но с нами же вы поделитесь? – заискивающе проблеяла хозяйка общины.

– Сначала вы нас накормите, напоите, спать уложите, – начала загибать я излучающие бледную синеву пальчики.

– И не в пятидесяти шагах, а в непосредственной близости от шалашей! – осмелела и моя подруга.

– Мы вас положим в самом лучшем и просторном шалаше! – залезла Лигейда. – А Пинокий будет охранять ваш сон всю ночь!

– Буратино, в смысле? – спросила я. – Какое-то магиче-

ское деревянное чучело?

– Нет, не деревянное, – замотала головой хозяйка. – Вот это! – И она подтолкнула в спину нашего бородача с чулком.

– Он что, будет с нами спать?! – в порыве возмущения отпрянула Анна.

– Нет-нет! Он будет бодрствовать! Пусть только попробует уснуть!

– Но делать он это будет снаружи шалаша, – постановила я.

– Но...

– Тпру!.. Сна-ру-жи! Не ближе трех метров.

– Но почему так далеко?!

– А вдруг мы пукнем? Неприлично же. Ну хорошо, не ближе двух.

– Но ведь перед этим вы с нами поделитесь знаниями?

– Нет, – отрезала я. – Вы сами-то понимаете, что просите? Мы уставшие, голодные, у нас глаза закрываются, мысли путаются... И мы начнем с вами делиться: возьмите левый глаз недобитого комара, смешайте с верхним листочком самого высокого дерева, плюньте три раза на плечо соседу и скажите басом: «Ух-ты, ах-ты, вылезай из шахты!» Так, что ли? А про хвост воющей на луну лысой мыши забудем. И что получится? Хорошо, если ничего. Хотя и ничего, поверьте, тоже разным бывает. Глубокий вакуум, к примеру, не лучшее место для отдыха и медитаций.

– Тогда когда? Завтра утром? – подернулись пеленой до-

сады глаза хозяйюшки.

– Да, поспим, поедим, отдохнем... – начала я и встрепенулась вдруг: – Нет-нет! Отдыхать некогда! Нам еще Ивана искать. Не видели, кстати? Красивый такой?

– Не видели, – сказала Лигейда. – Ивана не видели. – От голода и усталости я упустила некоторую недоговоренность в ответе. А хозяйка продолжила: – Только уж вы ночью правом Литца не пользуйтесь, ладно? Мы же к вам со всей душой...

Кстати, накормили нас и впрямь с душой, до отвала. И шалаш выделили шикарный – люкс практически. Я уже начала засыпать, как услышала где-то неподалеку: «А-а-аа!!!», треск веток, а потом сразу: «Бум!»

– Что это? – насторожилась я. – Злые лесные силы?

– Сомневаюсь, – зевнула Анна. – Я думаю, это кто-то за верхним листочком самого высокого дерева лазил.

Вот казалось бы: спать хотелось так, что ни о чем другом и не думалось. Ну кроме Ванечки разве что – и то уже где-то на самом краю практически похрапывающего сознания. А вот повалилась в шалаше на мягкую, вкусно пахнущую траву, и – бэм-с! – сон как рукой сняло. Зато Ванечка как раз остался – во всей своей красе. И мне очень за него стало страшно. Крутилово-закрутилово! Ведь если он где-то здесь рядом, то бродит совсем один во тьме. Если бродит... Если ему ноженьки злые силы не отгрызли... Тьфу! О чем я только

думаю?! Какие ноженьки?! А если его самого, целиком отгрызли... в смысле, сгрызли? Схрумкали, счавкали, схомячили! А я тут разглеглась, травку нюхаю. В хорошем смысле. Да хоть бы и в каком!..

Я повернулась к сладко посапывающей Анне и зашипела ей в ухо:

– Спишь уже?.. Подожди!

– Там... в синей баночке... – вяло отмахнувшись, пробормотала подруга. – Дунешь, плюнешь...

– Э-э! – испугалась я. – Сейчас набормочешь во сне!.. Дунешь-плюнешь, вынешь-сунешь! Ты и так уже синяя. Еще и баночкой станешь. И я заодно.

– А? Что?.. – приподнялась на локте ведьма.

– Ты только тихо, – приложила я палец к губам. – Бура-тино не дремлет.

– Почему? – Видно было, что подруга полностью так и не проснулась, и я отмахнулась:

– Долго рассказывать. Ты мне одно только скажи – и спи себе дальше... Вот ты говорила, что знаешь, куда идти... Ну, что представила карту, где ты живешь, где Ваня. Так вот, мы дошли уже до его дома? В смысле, если бы мы были на Земле... если как бы наложить...

– Я поняла, – судя по голосу, все же очухалась Анна. Она свела к переносице брови, подумала с полминутки и сказала: – Мы уже прошли это место. Но не очень далеко. С учетом еще, что сам дом тоже имеет определенный размер...

– Но ведь она, Легенда эта, сказала, что Ваню не видела! – едва не заорала я, в последний миг вспомнив, что Пинокий бдит где-то рядом.

– Лигейда, – поправила обожающая точность Анна.

– Погоди... – призадумалась я, вспомнив, что тогда в ответе хозяйки меня что-то смутило. Ага, точняк! – Слушай, ты обратила внимание, как она сказала? Я спросила: Ивана тут не видели? А она: Ивана не видели. Значит, кого-то все-таки видели! Может, он просто им не сказал, что Иван. Или они даже его не спросили, а сразу... – Я даже мысленно не стала заканчивать фразу, так вдруг сделалось жутко. Но подруга меня поняла и принялась успокаивать:

– Подожди паниковать. Я сомневаюсь, что они что-то плохое сделали бы с Иваном, если бы его увидели.

– А что они могли с ним сделать хорошего? – как раз уже вовсю паниковала я. – Вот он – бэм-с! -появляется тут перед ними, а они такие берут и делают с ним что-то хорошее, после чего его тут снова нет. Что?! Скажи мне, что это может быть? Если они его... съели – это хорошее? Ведь для них-то это хорошее, да? Ну скажи, скажи! – стала я трясти Анну.

Где-то очень близко раздалось нервное покашливание. И знакомый мужской голос тревожно спросил:

– Синие леди, с вами все хорошо?

– Сам ты ледь! – брякнула я, а потом позвала: – Загляни на минутку.

Пинокий возник в шалаше словно по волшебству. Вооб-

ще-то он как бы и был магом... Неважно. Мне это не понравилось.

– Я сказала: загляни, – просверлила я его гневным взглядом, – а ты занырнул! Выныривай! А то Анна Александровна тебя в реального Буратино забалтывает.

– Сомневаюсь, что получится с размером, – шепнула подруга и тут же поспешила добавить: – Я имею в виду нос.

Пинокий это услышал, и в следующее мгновение в шалаше виднелся и впрямь лишь один его нос.

– И голову суй, – сказала я. И когда вновь смогла лицезреть в исходящем от нас синем свете знакомую окладистую бороденку, спросила: – Появлялся здесь вчера какой-нибудь чужой мужчина? Только не врать! Мама Карло уже наточила топор.

– П-появлялся, – нервно сглотнул мужчина. – А зачем топор?

– Нос вытаскивать. Не перебивай! Отвечай: что вы с ним сделали? Съели?

– Нос? – отпрянул Пинокий, не оставив на сей раз в шалаше даже пресловутого носа.

– А ну назад! – рявкнула я. – Анна Карловна уже... Тьфу ты!.. В смысле, Карла Александровна...

Договорить я не успела, бородатое лицо Пинокия вновь отсвечивало в шалаше тревожной синевой. По-моему, оно даже само по себе слегка посинело.

– Мы не ели его нос! – воскликнул мужчина столь горячо,

что не поверить ему было невозможно. И я поверила. Но все же спросила:

– А остальное?

– Тоже не ели. Мы же не людоеды! – похоже, всерьез обиделся Пинокий. Даже бояться почти перестал.

– А что вы с ним сделали? – очень вежливо подключилась к разговору Анна. И эта подчеркнутая вежливость, по-моему, напугала несостоявшегося Буратино еще сильнее, чем мои рявканья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.